

Только на одну ночь

Автор:

Джина Шэй

Только на одну ночь

Джина Шэй

Сапфировая диалогия #2

Кто не знает имя Светланы Клингер? Да-да, той самой, иконы столичного стиля! У её блога полтора миллиона подписчиков, у неё самой – неоспоримый авторитет в индустрии моды. Самый известный из модных журналов столицы – её королевство. Вот только... У нашей королевы нет короля. Не кому съесть помаду с её губ. Некому снимать с неё идеальные её аутфиты. Некому раскрашивать серый мир, что её окружает, тысячей оттенков боли. Да, вы не ослышались. Света – мазохистка. Мазохистка, которая уже два года ждет того, кому отдала свой ошейник. Ей нужен только Он, а всех остальных – даром не надо. Особенно вот этого вот наглого хлыща. Он пришел незванным, он занял её место, он... Он просто мудака. И ни на что он не годен. Разве что на одну ночь..... когда она узнает, что ждать ей больше некого. В книге присутствует упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Джина Шэй

Только на одну ночь

Глава 1. Самый лучший

Утро, спланированное до мелочей, повторяющееся изо дня в день – это не скучно, это порядок. Подъем в семь-тридцать, получасовая растяжка, на завтрак – овсянка из мультиварки, горсть черники и апельсин.

Брюки-кюлоты, шелковый черный топ-комбинация, белый жакет. Никаких украшений, никакого макияжа, только помада. Алая, яркая, такая, что режет глаз.

Я точно знаю, что если Он вернется сегодня – встретит меня с работы и будет целовывать мою помаду, и лишь когда не оставит на моих губах ни капли красного, лишь тогда остановится. Это тоже традиция. По которой я, черт побери, скучаю. Даже нет, я без неё – задыхаюсь. Но это терпимо, это привычно, это часть ритуала ожидания. Тем упоительней будет момент воссоединения.

Я неизлечима, наверное. Нормальные женщины не любят свой день рождения, особенно когда тридцатник стучит пеплом в твоём сердце. А я люблю. Хотя мне до тридцатника еще шагать и шагать. Годик. Или два. Не скажу сколько, сами угадывайте. Одна свечка на кексе, кстати, это вообще не потому, что я стесняюсь возраста, это потому что, ну, больше на кекс просто не влезет, а больше одного кекса мне нельзя. Даже по праздникам. И этот-то кекс выпедрежный, из амарантовой муки, шоколадный, м-м-м. Если бы Танька вчера не приперлась и не поиздевалась над моей кухней, вкусняшек мне сегодня бы не было. Настоящий братан, иначе и не скажешь.

Правда, посуду мыла все-равно я, увы. Такое вот у нас с Танькой разделение обязанностей, если она готовит на моей кухне.

Вообще, сегодня день рождения, и по идее можно было бы достать из шкафа платье, но... Но нет. Я, конечно, очень надеюсь, что Он все-таки приедет именно сегодня, это был бы отличный подарок от судьбы, но... Но если нет, то я буду чувствовать себя глупо. Быть женственной для Него – имело смысл. А для себя или для коллег, которых сегодня надо было поиметь до сдачи номера – а какой семантический смысл? Я и так знала, что расстегни пару пуговиц на груди – и мужик от секса не откажется. И абсолютно похрен, что там на мне – платьишко, или армейская шинель. Была бы у меня нужда чесать самооценку – может, и носила бы. Но мою самооценку мог потешить одобрительный взгляд только одного мужчины. А его, увы, на моем горизонте пока не наблюдалось. Хотя внутри мечтательно подпрыгивали розовые зайчики. А вдруг, ну, вдруг же?

- Доброе утро, Светлана...

Встретить в лифте Альбину Григорьевну, старшую по дому – хороший знак: значит, я не опаздываю и даже успеваю взять кофе. У Альбины Григорьевны на руках скотч-терьер, я традиционно чихаю, аллергия, раздери её Ктулху, всегда настороже. Чихаю, ловлю виноватую улыбку Альбины Григорьевны, пожимаю плечами, поправляю на плече рюкзак. Не знаю, как люди ходят с сумочками меньшего объема, они что, кроме ключей и карточки с собой вообще ничего не берут?

- Светик, привет, какой тебе сироп сегодня?

Оля-бариста, девочка-мальчик, ну, я-то знаю, что она девочка, но первую неделю её работы я нарочно не знакомилась и размышляла – какого же пола это дивное андрогинное эльфийское создание, будто сбежавшее из японской манги.

- Кокосовый, Оль. И побольше.

И пусть у меня все к чертовой матери слипнется. День – осенний, паршивый, серый. Машина на техосмотре, увы, и я совершенно не по привычке спускаюсь в метро. Люди мрачноватые, а мне хочется улыбаться. Мне всегда хочется улыбаться, когда я представляю, что выйду после работы, а у редакции меня будет встречать Он. И пусть не встречает, пусть эта надежда откладывается каждым вечером на следующий день, но рано или поздно – Он вернется. Он обещал, в конце концов.

Ей богу, столько лет, и настолько ванилька. Хотя на самом деле все оправданно.

- Светочка, Звягинцев на больничном. Ногу сломал, – отнюдь не радостно улыбнулась мне Ирочка, секретарь в общей приемной, передавая мне папку со входящей корреспонденцией..

- Это он зря, – вздохнула я. Ей богу, не мог ногу в кабинете сломать, а? У нас, простите за каламбур – черт ногу сломит в номере, а главный редактор ломает конечности. Ши-кар-дос.

Угадайте, кто сегодня шизанется, пытаюсь разорваться на тысячу человек?
Правильно – я.

Как и ожидалось – я даже дойти до кабинета не успеваю, меня накрывает атмосферой аврала. Телефон трезвонит не умолкая, всем от меня что-нибудь нужно, а мне бы свою статью дописать, отправить её корректорам да макет свежего номера просмотреть еще раз. И выдолбать острым клювиком мозг всякому инвалиду, что опять затянул со сдачей материалов. Три служебки сегодня полетят в бухгалтерию, и на следующей неделе три нерасторопных черепахи узнают истинную цену собственной медлительности. В следующий раз будут меньше звездить. Звезд у нас нынче дохрена, нажимать кнопки на клавиатуре многие умеют и согласны делать это вовремя за гораздо меньшую, чем у нас, зарплату. Это кризис, господа, не расслабляйте ягодичные мышцы.

Когда внезапно звонит Стариков – номер уже закончен на 99,9%, правда, я парой нечаянных движений руки чуть не сношу электронный макет – серьезно, сам гендир? Да ладно, и чего ему нужно от скромного заместителя главного редактора, а? Раз в тысячу лет его сиятельство до меня снисходит.

– С днем рождения, Светочка. – Тембр голоса у нашего гендира прекрасный. Если разорится – сделает состояние на сексе по телефону.

– Премию дадите, Виктор Юрьевич?

– Еще одну? – рассмеялся Стариков. Так, ура, мне есть на что съездить в Прагу в выходные.

– А что, бывают лишние? – усмехнулась я. – Виктор Юрьевич, дайте номер закончить. А то ваша фамилия в списке учредителей будет с тремя ошибками. Это будет моя коварная месть.

– Светочка, конечно, дам, через час я заеду на работу, пойдем перекусим, есть серьезный разговор. Ты же не обедала сегодня?

Пообедаешь тут, когда дорогой и любимый начальник берет и ломает ногу в такой важный для родины период.

И все-таки, что за разговор такой? Оч-чень интересно.

Но я отправляю номер в типографию, сбрасываю электронную версию в информационный отдел. После этого требую себе кофе, потому что ей богу, я заслужила. Голова просто дымится. Поэтому сбрасываю туфли, закидываю ноги на столешницу и откидываюсь в кресле.

– Вас можно поздравить с повышением, Светлана Валерьевна? – с интересом уточняет Анджела, мой личный ассистент, точнее – моя личная кофеварка. С креативной работой Энджи, увы, справляется хуже. Но кофе варит приличный, это её и оправдывает.

– Поздравить – можно. Но с повышением – это еще почему? – я подняла брови и приняла из рук Энджи чашку.

– Стариков звонил в отдел кадров. Говорят, Звягинцев уволился с поста главреда. Отрабатывать не будет – он на больничном. Просили подготовить приказ о назначении. Пока с открытой шапкой, но кого же еще могут поставить, кроме вас?

Нет, я большая взрослая тетенька, я не буду орать дрянью и подпрыгивать так, как будто получила Оскар. Я всего лишь томно прихлебну свой черный кофе с имбирным сиропом и прикрою глаза в предвкушении.

Ну а что?

Я вообще-то заслужила. Четыре года впахивания, от маленькой лупоглазой корректорши, до заместителя главреда чего-то да стоили.

И это был бы отличный подарок на день рожденья. От вселенной и от совета директоров вместе взятых.

И...

Он будет мной гордиться. Когда вернется.

Боже, Светка, какая ты все-таки неисправимая... Но что поделать, само в голову влезло. Большая взрослая тетенька, Светлана Валерьевна Клиндер, спасибо папе за звучную фамилию, над которой я спокойно могу поржать. Ну, не Петрова, и на том спасибо.

Оставшиеся полчаса до приезда гендира я медитировала в кресле, раскатывала губешку и прикидывала, чем лучше заполнить следующий номер. Кого из фотографов позвать, кого из моделей, и так, а что за мероприятия у нас в мире моды сегодня? Может, ну её нахрен ту Прагу и в Милан, а? Или позвонить-таки Нине Миренцо, последняя коллекция сумок у неё была очень даже ничего, хоть и жутко непрактичная.

А потом Стариков сбрасывает цифру “26” в СМСке. Отлично. Я любила ресторан “SiX”, расположенный на двадцать шестом этаже нашего бизнес-центра. Шикарное место, куда даже с моей зарплаткой ходилось только по праздникам. Отлично подходит для торжественных новостей, торжественных событий. Для повышения – вообще отлично.

– Отлично выглядите, – улыбнулся Стариков мне, “летающей походкой” на своих лодочках подходящей к столику.

Ох, хороший столик. У окна. С видом на Москву с высоты птичьего полета. Красотища, никак не могу привыкнуть. Наверное, все-таки дело в контрасте. Кто же знал семь лет назад, что девочка из Владимира окажется вот так вот высоко. Эх, сплунуть бы из этого окна, так ведь завтра во всех желтых газетенках: “Ядовитый плевок главного редактора “Estilo” стал причиной трех смертей и начала зомби-апокалипсиса. Бегите, глупцы!”. Нет, это все шуточки, конечно, но все равно приятно здесь, сейчас быть тут, смотреть на благостную рожу нашего гендира и разглядывать фоточки еды в меню. Так, и что я сегодня могу себе позволить, чтобы вечером не пришлось уж очень сильно потеть на беговой?

– Светочка, вы уже слышали про Гошу?

– Сломал ногу и дезертировал? – Я подняла брови. Печально, конечно, но...

– Увы, – Виктор Юрьевич драматично вздохнул. – Столько лет у руля, и такой неожиданный побег.

– Сманили или отдохнуть решил?

– Сманили, конечно, – Стариков поморщился. – Что тот перелом, через две недели у него назначение в Лондоне, и я думаю, он выйдет даже на костылях. Да хоть ползком.

Ну, да, я б тоже вышла, еще бы мне кто предложил.

– В общем, Светочка, я вас не зря сюда позвал, – дружелюбно улыбнулся мне Стариков. Ой, ну все, ну давай уже, большой босс, назначай меня, я на все согласна, ну ладно – почти на все.

– Извини, Вик, я опоздал, – раздался над моим плечом низковатый хрипловатый голос. Ой-ой, у Старикова на поприще вербального удовлетворения неудовлетворенных женщин появился конкурент.

Я повернулась, глядя сверху вниз на заявившегося.

Блондин. Этакий весь из себя суровый, со светло-русыми волосами и бледно-голубыми блеклыми глазами. Костюмчик – серый, дорогой, явно шитый на заказ, но то ли портные пытались польстить клиенту, то ли у него были нехилые комплексы, потому что он казался слегка широковатым. Рубашечка в розовую полосочку, последний писк внезапно вернувшейся моды. И галстучек – тоже серенький с элегантным узором. И что это за чудовище такое? Я у него точно в долг денег не брала? Смотрит на меня, будто взглядом и в паспорт заглянул, и взвесил, и рентгенограмму сделал. Интересно, камни в почках высветил?

– Присаживайся, Антон, все в порядке. – Дружелюбная улыбка моего шефа мне не понравилась. И-и-и-и? Что это все за кордебалет?

Блондинчик плюхнулся за столик рядом со мной, развалился на стуле, задел меня коленом. Какой хозяин жизни... Еще не познакомились, но он меня уже бесил.

– Неберт, Антон Андреевич, – буркнул сей чудесный кадр, пока я, нежно охреневавшая от его манер, пристально его разглядывала. Нет, реально ощущение, что он какую-то прыщавенькую малолетку задел, а не взрослую

успешную меня, у которой надменность – часть делового имиджа.

Неберт. Еще одна немецкая фамилия. Забавно. Получи фашист фашиста, так, дорогая судьба? А можно мне простого, русского, моего, того, от которого пальчики на ногах поджимаются. Ну на вечерочек хотя бы, мне много не надо. Хотя, кого я обманываю, Его – мне нужно всего, и побольше, побольше...

– Да, Светочка, познакомься, наш новый главный редактор! – деловито добавил Стариков.

Еще никогда мои амбиции не швыряли лицом об жестокую реальность с такой радостной миной на лице...

Глава 2. Бракованный

– Светлана, загляните ко мне...

– Антон Андреевич, у меня интервью не написано.

– Ничего, зайдите сейчас, его и обсудим, вам же не придется переделывать.

И трубку швырнул.

Без комментариев.

Частенько слышала эту фразу, сама не говорила ни разу. И не думала. Но вот – докатилась.

Мне вообще сейчас было не до закидонов своего драгоценного начальничка, и все, за чем я была бы согласна увидеть своего восхитительного главреда, так это исключительно за тем, чтобы швырнуть в него чем-нибудь тяжелым.

Взгляд так кстати задел выпендренную наградку, с прошлогодней премии “журналист года”, а в голове мелькнуло, что вообще эта хрень мне никогда не

навилась, и для того, чтобы вправить в башке нового босса мозги на положенное место, мне в общем-то не жалко добавить и вон то золотое перо, которое на самом-то деле не очень и золотое, но довольно весомое.

Если вы еще не поняли, скажу вслух – подарочек от вселенной мне на день рождения оказался бракованный. Жаль, я не могла вернуть сие счастье в магазин по гарантии и попросить возврат старого-доброго Звягинцева. То ли мои лыжи не ехали в тандеме с Небертом, то ли где-то что-то сдохло, потому что нет, мы с ним не срабатывались. Никак. И за одну рабочую неделю не наметилось никаких подвижек, но обозначилось очень-очень много проблем.

Мне уже два года как не возвращали на правки статьи. И ладно бы по делу правил, нет, доканывался до всяких мелочей, приходилось брать себя в руки, тащиться к драгоценному редактору и там, под прицелом его блеклых глаз обосновывать, почему не стоит вносить вот эту, вот эту и вот эту правку.

Самое обидное – чем дальше я с Небертом работала, тем больше вопросов у меня было к совету директоров. Потому что Неберт... ну, как бы это помягче... Не шарил...

Ну вот взять Гошу Звягинцева. Вечно на диетах, ей богу, знал про правильное питание и калории больше, чем все наши сотрудницы вместе взятые. В спортзале бегал с легонькими гантельками, смертельно боялся приседов со штангой, а то “бедрa станут объемнее”. При маникюре, и к косметологу шлялся чаще, чем я. При этом – всегда появлялся на работе в компании двух юных нимф, всегда разных. Если судить по внешности – типичный жиголо и трепло, но на самом деле, именно Георгинчик соображал в моде, в векторе движения нашего журнала, в моделях и фотографах больше моего. Именно он умел выжать из материала шестьсот процентов, именно он всегда знал, где творится самый острый и самый интересный движняк, а по способности предсказать тренды ему вообще равных не было.

А этот...

Ну, короче говоря, если следующий номер и выйдет сносным, то только потому что я отличалась истинно козлиным упрямством и умела доказывать целесообразность тех или иных материалов. Но скажем честно – мне было жалко нервов и своего времени. Нет, посмотрю на сие благолепие еще недельку, а

потом, пожалуй, напишу заявление.

Я ужасно любила “Estilo”, коллектив был прекрасный, сложившийся, устойчивый, но...

С появлением Неберта женская часть коллектива как с ума посходила.

Господи, чего я только не наслушалась про нашего нового главреда, даже от собственной ассистентки. И профиль-то у него породистый, и “боже, какие плечи”, а уж сколько неумных восторгов было по поводу его роста... Ну да, блин, высокий. Очень высокий. И? И тонковат. Ну, на мой субъективный вкус. Я предпочитала мужиков пониже и покоренастей.

При том, Неберт времени особо не тратил, переспал уже и со своей секретаршей, и с самой молоденькой и симпатичной девочкой из бухгалтерии.

Сегодня после обеда я застала его точащим лясы с Энджи, крайне смущенной, и от того несущую чушь в два раза интенсивнее обычного.

В общем, я чудом удержалась от того, чтобы не зацитировать предсмертную фразу Цезаря в тот момент. И предпочла бы в принципе до конца сегодняшнего дня обойтись без компании “любимого” начальства, но вот... Что-то ему там приспичило.

Пару минут промедитировав над интервью, я все-таки сунула ноги в лодочки, оставленные под столом, и вышла из кабинета. Игнорировать начальство было совершенно некомильфо. Даже если начальство бесило.

Неберт пил кофе. Сидел себе в кресле, откинувшись на его спинку, и любовался на что-то на экране своего монитора. И чашку – маленькую, изящную фарфоровую держал, по барски оттопырив палец. Боже, ну лапищи. Медвежьи просто. На что тут вздыхать, скажите на милость?

– Садитесь, Светлана, – Неберт качнул подбородком на кресло слева. С него кстати было видно монитор, но когда я села – главред уже все свернул, а потом уставился на меня своими светлыми глазами.

– Я видел, что вы опять сменили модель для съемки Нины Миренцо. – едко произнес он. – Я же ставил другую.

– Нина терпеть не может блондинок, – устало произнесла я. – И блондинов, кстати, тоже. Пройденный этап, принесите ей фотографии не с рыжими – и она просто откажется от рекламных материалов. Сомневаюсь, что совет директоров этому обрадуется.

Не говоря уже о том, Антон Андреевич, что выбирать моделей надо не головкой члена. И одобренные Небертом девочки чуть не слили нам всю съемку, будто явились на лекцию в ПТУ, которую просто нужно было отсидеть с бессмысленным, ничего не выражающим лицом. Пошли мы такие фотографии Нине – и она бы больше в принципе к нам не обратилась. И на порог бы не пустила. Дизайнеры – народ обидчивый.

Неберт уставился на меня тяжелым взглядом, барабанил пальцами по столу. Честно говоря, раздражало уже это. Нет, может и не неделю придется ожидать. Пару дней – и если не наметится хоть какой-то положительной перспективы – надо валить. Иначе я могу и убить свое потрясающее начальство ненароком.

– Вы конфликтный человек, вы это знаете, Светлана? – вкрадчиво поинтересовался Антон.

Я пожала плечами. Ну, если нормальную самооценку и четкое понимание происходящего назвать конфликтностью... Смею заметить, когда ты аргументированно доказываешь, почему ты прав – это вряд ли называется конфликтностью. Ну да, обосновать, блин, приходилось все. Включая то, что в работу наших рекламщиков вмешиваться не стоит, особенно с очень радикальными, очень новаторскими и очень сомнительными предложениями.

– Как ни крутите, я – профессионал, – откликнулась прохладно, просто констатируя факт.

– А я выходит – нет? – насмешливо произнес Неберт, разглядывая меня оценивающе.

– Может быть, не в фешн-журналистике, – улыбнулась вежливо. Формулировка была очень обтекаемая, тон нейтральный. Всего лишь мое мнение. Скажете, зря

я это говорю главреду? Да ей богу не страшно. В конце концов, у меня была своя репутация. Да и под всякого идиота не прогнешься. Вообще ни под кого не стоит, если уж на то пошло.

– Знаете, Света, мне даже нравится ваша наглость, – произнес Антон, криво ухмыляясь. – Вы совершенно не боитесь, что я могу устроить вам проблемы?

– Какого рода проблемы? – я подняла бровь. – Черные списки и “тебя не возьмут ни в одно приличное издание”? Нет, не боюсь. Я хорошо известна в наших кругах, а вас... Вас никто не знает, у вас нет имени, я вообще не знаю, почему назначили именно вас, хотя не исключаю, что вы сыночек кого-то из совета директоров. Но тогда успокоились бы вы уже, и дали бы мне делать мою работу.

– И вас устроит, что я занимаю ваше место? – насмешливо фыркнул Неберт.

– Мы в России, – скучающе откликнулась я. – Здесь кумовство – в порядке вещей. Кто считает, что может переломить систему только своими усилиями – тот идиот. А я идиотизмом не болею. Так что не расстраивайте вашего папочку, Антон Андреевич, не топите журнал. И дайте мне работать спокойно.

В какой-то момент моей тирады лицо Неберта, разглядывающего меня с дружелюбностью голодного тиранозавра замерло, будто фарфоровая маска.

Но он сам затеял этот разговор. Я вполне могла держаться в рамках делового этикета, но раз был задан вопрос про личный профессионализм – ты сам виноват, мальчик.

Нет, на самом деле мальчик. Он был всего на пару лет старше меня, и мне, имевшей слабость к мужикам постарше, эта конкретная особь мужского пола с гордой немецкой фамилией казалась лютым сопляком. Тридцать лет, а надо же – получает место по блату от папочки из совета директоров. Иные сыновья состоятельных родителей – к этому времени не только приходили в себя, но уже вовсю добивались каких-то своих целей. У Него, например, тоже был сын. Взрослый сын. И сразу как только он вернулся из Оксфорда – с головой ушел в отцовский бизнес, догоняя, доказывая отцу, что он не зря вкладывал в отпрыска свои деньги. Доказывал кстати, Он был доволен.

Взгляд у Неберта был довольно убийственный, но я его выдержала. Да боже мой, я столько лет выдерживаю в фешн-серпентарии, неужели один конкретный дятел мне умудрится пошатнуть самооценку?

А потом его лицо изменилось. Вдруг внезапно сделалось дружелюбным, почти как у Санты. Ну и искренним примерно настолько же, как у тех пластиковых дедушек.

– Вы замечательный сотрудник, Светлана, – ухмыльнулся Неберт. – Не пасуете перед авторитетом начальства.

– Я знаю, – любезно улыбнулась я, примерно с той же степенью доброжелательности и сглотнув, что конкретно вот это вот драгоценное начальство для меня ни разу не авторитет.

– Почему я ни разу за эту неделю не видел вас в юбке, Света? – неожиданно бархатным тоном поинтересовался главред. Судя по всему, настроение у него менялось как погода в середине осени.

– Не помню, чтобы они были обязательны по дресс коду. – Натянутость моей улыбки зашкаливала. – Я не ношу юбок на работу.

– Ничего, – Неберт улыбнулся. – Наденете на наш с вами ужин и будете прощены.

Что, твою мать?

С минуту я глядела на этого идиота, удивляясь его святой простоте. Кто-то выучил пять правил пикапа, поимел двух местных дур и возомнил себя казановой?

– На наш с вами ужин я могу надеть только деревянный макинтош, – скальпельно острым тоном сообщила я. – И исключительно на вас, Антон Андреевич.

– Ну бросьте, Свет, – тоном истинного ловеласа бросил Неберт. – Вам не идет ломаться.

– Вы точно не пьяный? – недоверчиво переспросила я. – С чего вы вообще решили, что я могу на это согласиться?

– Хотите знать? – Как-то странно он на меня смотрел. С каким-то презрительным превосходством. Будто на шлюху смотрел. Вот на девок своих так смотри, мудака.

– Нет, пожалуй. – Я встала с кресла. Я хотела сейчас лишь послать его куда-нибудь на Тибет, общаться с горными козлами, как с самыми ближайшими родственниками.

Неберт опустил ладонь на компьютерную мышку, шевельнул ей, щелкая по одному из значков на панели задач. И я это его движение видела, у меня был удачный ракурс.

Я не то чтобы хотела смотреть, что он там разворачивает, но это вышло как-то само собой. И это сработало.

Я замерла, глядя на экран. Аж в жар бросило.

Этой фотографии просто не могло быть у этого мудака, но она у него была.

Там, на экране была я. На темной кровати, застеленной черным шелковым покрывалом. Абсолютно голая. Прикованная к кровати, с раздвинутыми в разные стороны ногами. Бедра тоже были надежно закреплены фиксаторами, свести колени я тогда не могла. И все напоказ – все мое женское естество, и глаза у меня смущенные, блестящие... Боже, что это была за ночь...

– Красиво, а? – сладко поинтересовался Неберт, пока я пыталась преодолеть звон в ушах. – Я думаю, достойно печати на нашем развороте, как думаешь?

Я молчала, пытаюсь унять судорожный спазм, которым свело в груди легкие.

– Ужин в семь, я за тобой заеду, – самодовольно произнес мудака, с такой мерзкой улыбкой, что я ему чудом не врезала. – И не надевай белья под платье. Не люблю тратить на него время. И лучше бы тебе быть послушной девочкой, Светочка.

– А не то? – сипло уточнила я, давая ему последний шанс оказаться не этой липкой тварью.

– А не то эти фотографии окажутся в соцсетях, на нашем сайте, да везде, куда я смогу их отправить, – приторно улыбнулся мудака.

Глава 3. Приторный

Тьма, клокодавшая в моей душе, требовала кровавых жертвоприношений. И кофе.

Я села на край стола мудака, потянулась к кнопке селектора.

– Маша, даю тебе три минуты на двойной эспрессо.

Моим тоном можно было колоть лед. И сломать нос. Жаль – магия не сработала.

Умница Иванова справилась за две минуты, заранее, что ли, кофемашину завела? Что, мои привычки настолько глубоко здесь изучены? И какая же жалость, что придется послать сие прекрасное заведение в тесные объятия щупалец Ктулху. И оставить его на расправу этому вот... Тьфу, думать тошно. Хоть сжигай все после себя. Вот Нероном я себя еще не представляла.

– Светлана Валерьевна, без сахара...– пискнула Маша, протягивая мне чашку. Точно, слишком хорошо меня тут знают, вон, даже по селектору безошибочно распознают тон.

– Все верно. – Я чуть подняла уголки губ, принимая чашку, и секретарша, заглянув мне в лицо чуть не ойкнула. Слабо. Она должна была окаменеть, как минимум. Ядовитая тварь я или нет?

Проводив напуганную Машу взглядом, я подняла уголки губ сильнее и повернулась к Неберту лицом.

Нет, не нужен был мне никакой сахар, и сироп. Тут и так было достаточно приторного, больше чем нужно – в одной только этой кривой самоуверенной ухмылке.

– Без истерик, крошка, – усмехнулся он, прокручивая в пальцах золоченый паркер (ух, сколько эротических приключений его могло бы ожидать вместе с этим паркером, реализуй я хоть пару кровожадным мыслишек из собственной головы), – вздумаешь облить меня кофе...

– Кофе – крайне ценный ресурс, – невозмутимо сообщила я. – Переводить его на ублюдков – нерационально. Да и бесполезно, скотство не вылечишь кофейным компрессом, Антон Андреевич.

Да и чашка денег стоила. Но даже если бы она была бесплатная, я бы ею пожертвовать ради одного мудака не смогла бы.

Неберт сощурился, разглядывая меня. Ему по-прежнему не нравился мой тон, хотя следует сказать – сейчас он был еще более наглый, чем до этого. Прикидываться вежливой и культурной мне уже необходимости не было. Обратный отсчет шел на секунды.

– Своим хамством ты сейчас усложняешь себе жизнь, Светочка. – Ой, божечки, какой елейный голосок, вот точно, вот именно сейчас у меня все и слипнется, да. – Ты что, не хочешь отделаться одним разом?

Вот что у него было в этой пустой черепашке? Он считал меня за кого? За выпускницу института благородных девиц, которая не знала, как легко можно копировать одну фоточку, и что шантажисты – такой сволочной народ, что редко успокаиваются после того, как получают разик то, что им хочется. И да, потом будет хуже, еще унижительней, еще неприятнее. Хотя, сейчас меня могло стошнить просто от того, что вот этот кусок дерьма на меня смотрит. От его взгляда на коже будто оставались липкие, грязные следы, и наверное, для того чтобы их смыть, мне придется принять ванну с Фэйри, не меньше.

Я сделала глоток кофе из чашки. Будто вдохнула эту терпкую горечь, растекающуюся по языку. Вот. Мир стал на полградуса лучше.

– Откуда? – со всей возможной миролюбивостью поинтересовалась я, бросая взгляд на монитор. И все-таки, какая же безумная тогда была ночь, приятно вспомнить, даже несмотря на обстоятельства. И я... Красивая, растрепанная, лукаво прикусывающая губу. Слабая. Уязвимая. Ужасно редкое ощущение. Я его и не знала до знакомства с Ним... И как я сейчас тосковала по этому ощущению, когда не нужно было вскакивать, бежать, решать проблемы, останавливать на скаку коня. Оно было хорошо – если в меру.

– Ну а как ты думаешь, – с превосходством поинтересовался мой почти уже бывший босс. – Твой хозяин подарил.

Ну да, это были очень эксклюзивные снимки, которые Он делал для себя. Поверить, что это ушло налево без Его участия, я не могла.

– Господин.

Брови Неберта удивленно дрогнули.

– Я называла его только господином. Не хозяином, – прихлебывая кофе, спокойно пояснила я до того, как Антошенька решит, что я обращалась к нему. С его-то птичьим умишком – не исключено, что именно так он бы и сделал.

– Значит, будешь так называть меня...

Я не выдержала. И расхохоталась. Прямо в чашку. Кофе полетел во все стороны красивейшим веером брызг. Ну, блин, и чем мне успокаиваться? Блузке пришел бесславный конец, ну да ладно. Нет, это был шедевр кретинизма. И где вообще таких идиотов печатали, где находится эта дивная кунсткамера? Я очень понадеялась, что это был штучный экземпляр уроды. Двух таких земля бы не вынесла.

– Господи, – я прикрыла глаза, а затем, оставив чашку, уселась на стол уже всей задницей, а не только на краешек. Во все глаза уставилась на Неберта.

– Значит, господин, да? – уточнила я. И... Да, кажется, начала палиться в интонациях. Потому что рожа у Антончика вытянулась очень подозрительно. Но, тем не менее, он поощрительно улыбнулся. Молодец, мол, быстро схватываешь.

– Ты хоть понимаешь, о чем ведешь речь, господин? – Если бы мой тон можно было представить в виде жидкости – это была бы какая то кислота, и она бы плавилась абсолютно все, с чем соприкасалась. – Ты знаешь, что такое Тема, ты хоть на кого-то надевал ошейник?

Эти аномально светлые, еле-еле голубые глаза прищурились. Будто с вызовом. Чесанула за живое?

– Господи, неужели да? Неужели ходит под этим солнцем та дура, которая встает перед таким чмом на колени? – Ну, точно, глаза идиота яростно полыхнули. Точно, ходит. Мой мир никогда не станет прежним. И ведь... И ведь нет же, он же ходит на леваки, к Энджи вон клинья подбивал.

Иногда я жалела, что с некоторых пор в Тему ходили все подряд, просто потому что это было модно.

– Эту фотку делал человек, который для меня все, – я кивнула на экран и смерила уроду презрительным взглядом. – Его я могла назвать хоть богом. Он того действительно заслуживал. А ты... Ты ни на что не годное ничтожество, дорогой. Дешевка в костюмчике.

– Твое «все» тебя предал, детка, – презрительно выдохнул господин мудака. – Продал твои фоточки за один бакс. По приколу. Да-да, все твои фотки. Чем будешь выкупать? Минетами? Язык не отвалится работать?

– А вы, Антон Андреевич, как я погляжу, за член свой совсем не переживаете? – насмешливо уточнила я. – Я ж вам бы его отгрызла наверняка, если б не брезговала.

Предал...

Хах, дохрена этот ублюдок понимал в моих отношениях с Ним. Если Он дал фотки кому-то на сторону – значит, он этого захотел. Он мог делать все что угодно с этим. Это я была его сабой, а не он моим. И я дала ему разрешение делать с этими фотографиями что угодно. Да хоть он сам бы это в интернет пустил да по газетам разослал. Ему – было можно. А с чего какой-то левый мудака решил, что ему можно что-то хоть мало-мальски аналогичное? Вот уж реально в голове девяноста процентов особей мужского пола – вата. Если саба для кого-то,

значит, кому угодно позволит об себя задницу вытирать? А больше ты ничего не хочешь, мажор?

– А ты, как я погляжу бесстрашная? – Голос у Неберта вкрадчивый. – И не боишься, что тебя в таком виде вся желтушная Москва обсуждать будет?

Нет, я не боялась. Боже, аж смешно.

Нет, наверное, это сработало бы. С кем-то другим.

Этот мир, увы, полон наивных барышень, которые ужасно стесняются или попросту не смеют сознаться в темных сторонах своей душеньки. Да что там Тема, некоторые совершенно упоротые леди всю могли утверждать, что они, мол, вообще ни с кем и никогда сексом не занимаются, а ребенок у неё от того, что она ванну после мужа приняла.

Таких невинных божьих созданий, разумеется, компромат вот такого рода, наверное, бы ужасно испугал. Мне же было только жаль. Жаль, что вот это вот увидел один неприятный персонаж. Но если этих персонажей вдруг окажется несколько тысяч – я тоже в принципе переживу. Ну... Пусть подрочат, что ли. Я на тех фотках очень даже ничего. Сама бы себя трахнула, если б было чем.

Объективно, единственный, перед кем я бы реально боялась светить таким компроматом, – и был Он. Но будь у меня такая ситуация – я бы просто ему в этом созналась, потому что ненавижу врать. Ей богу, лучше бы сейчас у меня была такая ситуация, и было бы кому сознаться. Меня наказали бы – и дело с концом, и все страдания.

Нет, я могла представить те заголовки, можно быть уверенной – в ближайшие полгода количество поз и ракурсов, в которых я была запечатлена на той фотосессии, обеспечит множеству мелких и не очень изданий пищу для каких-нибудь приторных и заплесневелых статей. Ну, тем лучше.

Я усмехнулась этим мыслям, потянулась вперед, поймала Неберта за галстучек, потянула на себя. Наверное, он подумал, что я раскаялась и решила дать ему прямо сейчас. Потому что он повелся, поднялся, придвинулся ко мне. Ох и здоровенная же хрень. Нет, точно нет, даже если бы и не был таким козлом.

– Умоляю, сделай мне пиар, Антончик, – нараспев улыбнулась я, чуть качнулась к нему, щелкая зубами у кончика носа, делая вид, что пытаюсь его откусить, а затем увернулась от руки недобосса, которой он попытался поймать меня за плечо, и скользнула к двери.

– Уйдешь сейчас – я тебя уволю, – в спину мне впечатывает злющий мудака. Ну, не зря старалась. Нет, он точно неизлечимый идиот. Ну, все же знают, что с террористами и козлами переговоров вести не стоит.

Так и быть, я вернулась к столу Неберта. Достала из принтера чистый лист, выдрала паркер из пальцев Антошеньки. Ведь правда – заявление об уходе «по собственному» я решила писать в последнюю очередь, оставить на сладкое. И чуть не забыла. Как так?

Причина увольнения: «Не могу работать под началом озабоченного членоносца».

Гениально. Сама на себя не нарадуюсь.

Кстати, это тоже может испортить мне имидж, но не страшно. Чем скандальнее уйду – тем лучше. Больше поводов просить красивую зарплату в новом месте. Распиаренная личность, все-таки, могу устроить шумиху на всю Москву, бомонд будет нервно курить и посасывать свой боржомом из трубочки.

Закончила выводить строчечки на белом листе бумаги, протянула его Неберту.

– Я же и Старикову могу его подать, – фыркнула, заметив, что он примерился к тому, чтобы разодрать лист напополам. – И не думаю, что совету директоров понравится мой уход.

Господин мудака глянул на меня с яростью – ох, беда-то какая. А потом швырнул лист на стол перед с тобой, дернул из канцелярского органайзера ручку и черкнул под заявлением свою закорючку. Подпись как у первоклассника, “Н.А.” и петелька. Слабак. Вот у меня подпись. Хрен подделаешь. На четверть листа.

– Хороший мальчик, – поощрительно протянула я, с улыбкой голодной гиены забирая у него свое заявление. Сама в отдел кадров занесу. Сфоткала заявление с подписью на память, потом кину в инстаграмм, и накатаю какой-нибудь

ядовитый текст.

- Ты должна отработать две недели. - Попытался было остановить меня Неберт.

- Сходи-ка ты в анальное путешествие по своим темным пещерам, господин начальник. - Я подняла левую руку над плечом, оттопырила средний палец.

Должна-то должна, но знакомый врач нарисует мне больничный на пару недель. А я в этом гадюшнике больше ни секунды не останусь.

Напоследок я с чистой душой хлопнула дверью.

Nasta la vista, ублюдок.

Глава 4. Потрясенный

У Эда звенело в ушах еще с пять минут после того, как девушка вышла из его кабинета.

Это что сейчас такое было вообще?

И...

Какого хрена?

И никаких слов не было - одни только междометия, и те нецензурные.

Это ж надо - вот так!

По идее нужно было встать, догнать, поставить обнаглевшую девицу на место, а все что мог сейчас сделать Эд - это невидящим взглядом пытаться рассмотреть дверь.

Его еще никогда так не посылали.

Ну ладно, он еще никогда столь грязным способом женщину в постель не тащил, но... Нет. Никто. Не смели. А эта...

Каждое слово будто висело в воздухе, и жгло, заставляя ярость в груди бурлить еще сильнее. Наглуую девицу хотелось только придушить, потому что – как она смеет вообще что-то из себя строить?

Охренеть. Эда послала... Саба. Нижняя. И... Как отец с ней справлялся? Как был для неё “всем”?

Нужно сказать уже вслух: Эд прокололся. Он думал, что это будет обычная скромная девочка – ну не зря же говорили, что Светлана Клиnger, известная как Сапфира, уже два года не появляется среди Тематиков. Эд был уверен – после разрыва с отцом подстилочка решила завязать и поискать кого попроще, пованильнее. Может даже решила выскочить замуж за какого-нибудь идиота. Значит – напоминания о Тематическом прошлом ей ни к чему.

Честно говоря, Эд Сапфиру (а по имени он её в уме и не называл, слишком это было интимно, не стоила эта дешевка такого уважения) уже четыре года как ненавидел. Из-за неё отец развелся с матерью и стал гораздо меньше общаться с семьей, мотивируя это тем, что с бывшей женой он видеться и не обязан, а Эд – уже слишком взрослый, чтобы нуждаться в отцовской поддержке круглосуточно.

Променял семью на девку. Что с отцом было? Потянуло на молоденьких?

Нет, Сапфира была, разумеется, красивой. Страшных любовниц Александр Эдуардович Козырь просто не держал. Ну, по крайней мере – до Сапфиры. Это при ней он завязал с ними всеми, спал только с Сапфирой, будто она была какой-то уникальной. Ну вот значит мать была этого не достойна, а Эта – оказалась вдруг? И за что такие заслуги, спрашивается?

Да – красивая. А еще ухоженная, стройная. Но... И все?

Эд разглядывал эту девицу уже неделю. Кто спорит, она одевалась стильно. Но будто асексуально, как нарочно. Эти её вечные широченные брюки, блузки,

застегнутые под горло... Волосы вечно подколоты, и нет, прическа была, конечно, хороша, но свободные волосы её бы украсили лучше. Из дани женственности – только туфли, и те на невысоком каблукке. Даже ассистентка её бегала на высоченных шпильках.

Вообще, при отце Сапфира была совершенно другой.

Эд видел её при жизни отца только один раз. Козырь-старший лишь однажды в первый год после развода привозил её на день рождения Эда, хотел познакомить любовницу и сына, но... Эд его послал тогда. Не хотелось ему знакомиться с женщиной, из-за которой было разрушено счастье его матери. И все, что он помнил в тот вечер о Сапфире – так это изящный девичий силуэт, стоявший у окна ресторана. Тогда она была в режущем глаза коротком бирюзовом платье, в ярких желтых туфлях, и темные гладкие волосы были распущены. И кстати были в два раза длиннее, чем сейчас. Сапфира-то Эда не видела – он так и не подошел к ней, чтобы познакомиться, а вечеринка тогда была шумная. Он послал отца, отец пожал плечами, вернулся к Сапфире и уехал. С той поры чеки Эд от него на день рождения получал, а самого отца на своих вечеринках не видел. И от этого у Эда бесконечно пригорало. Предпочел! Выбрал подстилку!

Вообще-то о Сапфире в среде Тематиков ходило много сплетен. Вплоть до того, что в Теме она сразу с совершеннолетия, около двух лет она меняла Верхних как перчатки, просто потому что они не могли следовать её условиям. Честно говоря, Эд этим слухам не очень верил. Ну, какие могут быть условия у Нижней? Условия же всегда диктуют Верхние.

Но вот сейчас он, кажется, догонял, в чем было дело.

Этот характер...

Эти зубы, которые она показывала чуть что...

Собственно из-за этих зубов Эду и пришлось прибегать к такому инструменту психологического давления как компрометирующие фотки. Она просто не велась, игнорировала все знаки внимания и вообще вела себя так, будто в её вселенной все были сплошь бесполоыми созданиями и никто из мужчин её заинтересовать будто бы не имел никаких шансов. Везде, где уже сто раз бы

сработал статус босса, для многих девиц, потенциальных саб, желающих чтобы их подчиняли, работавший как дополнительная эротическая стимуляция – Сапфира лишь закатывала глаза и проходила мимо.

Везде, где Эд мог свести личное расстояние на нет, добиться внимания прикосновениями или пристальными взглядами, Сапфира не давала даже повода, будто и неважно ей было это все. Эд уже неделю таскал ее в свой кабинет, довольно откровенно ее разглядывал, а она будто и не замечала вовсе. Столкнись с ней взглядом – не смутится, глаз не отведет. Пригласил на ужин напрямую – отшила, причем по-хамски. Даже компромат на неё не возымел должного эффекта. Вытерла об Эда ноги и ушла. Саба! Об Доминанта! Да где это видано вообще? И почему сейчас Эд чувствовал себя каким-то неопытным сопляком?

И все-таки что в ней нашел отец?

“Он для меня все”.

Она говорила невозмутимо, будто не открывая секрета. В настоящем времени. Будто и не было между ней и отцом никакого разрыва, будто она и не забила на него на два года, пока он лежал в европейских клиниках и боролся за каждую неделю собственной жизни. Лживая, фальшивая стерва. Строила из себя чуть ли не святую. Может, она еще не спит ни с кем? Вот она-то!

К чему Эду приспичило завалить Сапфиру в койку?

Ну, отчасти – это бы послужило ему неплохим доказательством того, что отцовская бывшая – действительно дешевка, как Эд о ней и думал.

Но вообще-то цель была более глобальной.

Эд должен был стать для Сапфиры Доминантом. Хозяином. Таким, чтобы она смотрела ему в рот и не смела спорить. Только доминант мог диктовать нижней условия, претендовать на то, чтобы принимать решения за женщину. А Эду нужно было именно это.

Отец...

Отец взял и подставил его. Завещал сорок из шестидесяти процентов акций концерна своей бывшей любовнице. И у Эда, конечно, был контрольный пакет, но это же совершенно не то, что владеть бизнесом в одиночку. Да еще и совместно управлять концерном, если что, пришлось бы с Ней. При её-то характере и вечной привычке спорить. Нет уж. Эд заставит её продать эти акции – ему же. На встречу придут его представители, а сам Эд после сделки был намерен Сапфиру кинуть и свалить, испортив ей репутацию насколько это возможно.

О наследстве она пока не знала. Нотариус согласился дотянуть до конца двух недель, что давались на связь с наследниками. Ну еще бы он не согласился, за полмиллиона-то живых наличных.

Когда завибрировал на столе телефон, Эд сидел и прикидывал возможные варианты решения проблемы.

Звонил Стариков.

– Я тебя слушаю, Вик, – произнес Эд, прижимая телефон к уху.

– Эдичка, солнышко, ты там что творишь, золотце ты мое? – вкрадчиво протянул Вик.

– У меня все под контролем.

– Ну не ври. – В голосе генерального директора “Estilo” зазвучали первые яростные нотки. – Уже сорок минут инстаграмщики бомбят от того, что Клингер ушла с поста замредактора нашего журнала. Вопросают, что же с нами будет без неё и Звягинцева, и как быстро мы начнем разлагаться. Мы с тобой разве так договаривались, а?

– Мы договаривались, что Гошу я отправлю на две недели в Тайланд, и он оттуда соизволит посмотреть номер, и подкорректировать если что.

Честно говоря, затраты на то, чтобы добраться до собственного, честно заслуженного наследства уже были приличные: взятка нотариусу, взятка Старикову, “больничный” для Гоши, фальшивые документы, такие, что ни один

паспортный контроль бы не придрался. И, хоть Эд мог это все себе позволить, но все-равно, подход к каждому заработанному доллару у него был еврейский. Ладно. У Сапфиры-то он акции собирался отжать по дешевке. Затраты оправдаются с лихвой.

И все равно бесило. Почему сейчас бесил и Вик – старый приятель еще по экономическому курсу в Кембридже. Мало того, что с Эда поимел в два раза больше, чем нотариус, так и теперь за Сапфиру, за обычную наглуую девицу цеплялся так, будто она чего-то стоила.

Однако скептицизм Эда не удержался и ввернул, что вообще-то да. Сапфира – стоила. Она соображала в делах журнала как никто. И действительно волоком тащила журнал «в счастливое будущее», несмотря на то, что Эд старательно косячил. У неё было видение готового продукта. Не одной статейки – а всего журнала, чуть ли не постранично. И пролистывая макет, который за неделю заполнился ровно наполовину, Эд вроде и пытался понять, как бы ему стерву уесть и найти где-то возможность “сделать лучше”, но... Но да, он профессионалом в фешн-журналистике не был, вообще.

Вик с той стороны трубки матерился. Эд даже слушал вполуха, потому что голова была занята поиском оптимального решения. Ссориться с Виком сейчас было не с руки. У Эда осталась всего неделя на то, чтобы добиться сподвижки со стороны Сапфиры.

“Он для меня все”.

Смелое заявление. Что наиболее важно – так это все то же пресловутое настоящее время. Может ли такое быть, что она не знает? О чем она вообще знает? Знает ли про болезнь отца? Может, они не разошлись? Разрыв предполагал Эд и мать, но сам-то Козырь-старший ничего подобного не говорил. Отец в принципе ненавидел моменты собственной слабости, даже перед смертью – оставил для Сапфиры какую-то посылочку, но за ней не послал. Может ли быть такое, что она все еще ждет его возвращения? Нет, гипотеза, конечно, смелая, но сейчас у Эда не было более логичных вариантов. И нет, он не собирался никаких посылок Сапфире передавать, но... Сейчас-то вариантов не было. Это бы помогло переиграть, нивелировать его статус в глазах девушки.

– Вик, я её верну уже к понедельнику, – вздохнул Эд, когда Стариков заткнулся, кажется, переводя дух после гневной тирады.

– Светлану? – ядовито поинтересовался Вик. – Слушай, дружок, ты, кажется, реально не понимаешь, с кем ты связался. Она не из тех, кто дает вторые шансы. Причем абсолютно никому. И она реально крутой специалист. Если она уйдет к моим конкурентам – я тебя урою, Эдичка, причем собственноручно, без киллеров.

– Успокойся, – примирительно произнес Эд. – Не верну к понедельнику, можешь ей сам меня сдать. Правда, с учетом того, сколько ей оставлено – я сомневаюсь, что она вообще захочет работать в ближайшие несколько лет.

Вик с той стороны трубки тяжело задышал. Да, он был сочувствующим. Он тоже не особо хотел, чтобы его отец лишил доброй части наследства вот таким вот образом.

– Ладно, – буркнул он. – Чтоб к понедельнику её заявления в отделе кадров не было.

– Не будет, – неохотно откликнулся Эд, а затем сбросил вызов. Ярость схлынула, в голове остался лишь голый план. Ну, если не сработает и он, можно просто сдаваться. Значит, Эд изначально переоценил свои силы. Но... Сейчас Эду казалось, что все сработает.

Глава 5. Неподходящий

Вообще, для того чтобы забрать все мои вещи из редакции не хватило взятой у кадровичек картонной коробки. Выносили всем миром, а Энджи рыдала мне в жилеточку и клялась, что “этому козлу” даже не улыбнется больше. Девочки из кадрового наябедничали про мою откровенность в заявлении, остальные – додумали, даже больше чем следует. Правда та версия, в которой я откручивала Неберту причинадалы, нравилась мне не больше той, согласно которой я убегала из кабинета главреда в слезах и с разорванной блузкой. Вторая была слишком сопливая, первая предполагала, что я бы осквернила собственный

маникюр.

Короче говоря, провожали всей редакцией, обещали устроить козлу бойкот, я аж прослезилась. Вот поэтому я любила «Estilo». У нас был отличный коллектив. Хоть местами и по очереди мы все были дуры.

Не хотелось мне говорить девчонкам, но после того как я хлопнула дверью кабинета Неберта – мне полегчало. Я ненавижу терпеть чью-то тупость, почти настолько же, насколько ненавижу козлов. С Гошей было круто работать, он много мне дал, а этот... С этим я вполне могла деградировать и потерять пару уже взятых уровней. Нет, все-таки нужно было позволять себе не терпеть. Не нравится начальство или сама работа – вали. Бегом. Лучше пару месяцев повыживать на Ролтоне и найти то, что тебя будет устраивать, чем терпеть, прогибаться, все больше и сильнее зажимаясь в уголочек «зоны комфорта».

Эх. Нет, то, что мне помогли «выехать» – было замечательно и волшебно.

А вытаскивать весь хлам из машины и мотаться с ним до квартиры и обратно мне пришлось уже одной. И после первого же раза – я для начала переоделась в спортивный костюмчик с кроссовками и вообще перед выходом хлопнула чаю, потому что не испытывала никакого желания получить обезвоживание во время беготни туда-сюда. Эх, и почему у меня нет персонального носильщика, а?

Нет, я на самом деле была редкой сукой. Самодовольной, самодостаточной сукой. Ну кто еще мог оборзеть настолько, что облил бы дерьмом начальничка, да еще и начальничка со связями, а потом еще и дверью хлопнул. Хотя, честно, мне по-прежнему было вообще не страшно – даже накройся моя журналистская репутация. Хотя так не бывает, потому что все дырки не заткнешь в любом случае, и на всякую хрень найдутся объяснения, опровержения, а любая такая беда решалась лишь умением держать лицо и отвечать за свои ошибки. Пусть так. Я вполне могла пойти куда-нибудь пойти работать барменом. Во-первых, я умела, и опыт, который не пропьешь, у меня тоже был. Да что там, не срастись все в Москве, я могла продать-сдать знакомым квартиру и рвануть в родной Саратов. Хотя... Лучше в Сочи какой-нибудь, там хотя бы рож знакомых не было. И никто про меня ничего не знал.

Боже, Алекс, вот где ты шляешься? Мне жизненно необходимо хоть на чертовы десять минут прижаться к твоей ладони щекой. Меня должно было отпустить.

Идиотская вера, что это все его проверка – меня не отпускала. Вот как зародилась в моей голове, пока я вырुливалась из пробки, так и не вылезала. Чтобы Он просто так взял и спустил кому-то свой эксклюзивный контент?

Нет, я не допускала мысли, что Алекс это сделал, потому что нашел себе кого еще.

Когда мы с ним только начали – все, что мы с ним начали, – он прямо сказал, что женат. Тогда я это приняла. Мне было довольно мало лет, я была ужасно им увлечена. Вот только со мной и с женой на два фронта Алекс не протянул и месяца. Необходимость врать выжигала его изнутри. В итоге он развелся. И на самом деле в этом была виновата я, потому что ни с одной сабой до меня он съезжаться не хотел. Держал дистанцию и все-такое. А со мной – не смог.

Но из того случая можно было сделать однозначный вывод, реши Он со мной порвать насовсем – приехал бы сам. И фотки бы просто уничтожил. Да, такие люди бывали. Честно говоря – он такой был один. Ну, должно же было быть в этом мире хоть одно совершенство.

Поэтому, либо фотки как-то у него стырили, либо он сам дал. В последнее кстати верилось не очень. Он в жизни не допускал мысли, что ко мне может кто-то прикоснуться, да что там, Алекс как-то нос сломал косо посмотревшему на меня незнакомому Дому из клуба. И о пунктиках Алекса знали, их уважали. На меня боялись смотреть. И дышать в мою сторону тоже. И честно говоря – мне это было в кайф.

Эх, было бы прикольно, если это была проверка, и я её вроде как должна была пройти. Хотя, ей богу, вздрючила бы за такое дерьмо, но... Но я Алекса тоже знала и тоже уважала. Захотел поиграть таким образом? Ну ладно, что уж, я все-равно давно собиралась сменить работу. Ну ладно. Не собиралась, прикидывала, а потом сентиментально думала, что серпентарий “Estilo” слишком люблю, чтобы менять его на что-то другое. А вот – Гоша предатель.

После третьего захода, когда вещи в машине, наконец, почти кончились, я сделала себе перерыв. Вы даже не поверите зачем. Нет, не для того чтобы проверить сайты вакансий. На самом деле мне на тех сайтах было делать нечего, у меня на телефоне уже по несколько пропущенных висело от двух прямых конкурентов моего бывшего журнала. Московский бомонд, что там – все

друг дружку знают, все норовят подкузьмить сопернику. Ну... Я ж заявление об уходе в инсту не просто так кинула. Это и было мое "резюме", прибитое к входной двери.

В общем нет. Я не стала прямо сейчас наводить мосты о новой работе, это можно было сделать на днях, а то знаю я этих господ начальников – а завтра выйти можешь? А у меня между прочим больничный не вылежан, свеженький, голубенький, красивенький... И расчет получить тоже надо.

Я выпила кофе. В этом мире вообще не бывает таких моментов, когда нельзя выпить кофе. Особенно с ореховым сиропом и молоком. Большим количеством молока. Грубо говоря, это было молоко с добавлением кофе и орехового сиропа. Ну а что! Должна же я была хоть чем-то подлечить свои нервы.

Господи, как я смертельно хотела чуда. Чтобы закончилось это проклятое время без Него. Два года. Два года, как его нет со мной рядом.

Нет, Он предупреждал, что может и дольше не вернуться.

Я до сих пор в деталях помню тот воскресный день, когда Он мне сказал, что должен меня оставить. Все. Как плакала, уткнувшись в его ладони, и кусала шершавые пальцы, а Он терпеливо молчал. Нет. Это не был разрыв, но предполагалось, что долгий период времени я проведу без Алекса. Ему нужно было уехать, и это было никак не изменить. Не было даже речи о том, что пока его нет, я себе найду замену. Я для него, он – для меня. Никак иначе. Просто без него было безвкусно жить.

Я не особенно верила в любовь, но... У Алекса получилось. Он стал моим воздухом, он стал человеком, без которого я себе казалась призраком, тенью. Только когда он был рядом – я будто обретала объем и цвет, переставала быть плоской черно-белой мультяшкой в этом непонятном жизненном телевизоре. И как все-таки невесело мне было от того, что через неделю после того, как я все-таки призналась ему в любви – Алексу понадобилось уехать. Но... Я никогда еще не видела его таким удовлетворенным, как тогда. Мы шли к этому долгим и непростым.

Ладно, если не приедет на этой неделе, значит – фотографии слили. Ну, если увидит меня в соцсетях и не приедет... Должен позвонить в любом случае. Это

было бы то самое чрезвычайное происшествие, которое непременно требовало его реакции. Ну, если он в России, конечно. Господи, да хоть бы голос услышать... Я прекрасно знала, что если услышу его хрипый, любимый, такой мужественный голос, от которого пальчики на ногах поджимались – меня прорвет, я буду рыдать как сопливая школьница. Причем не только от счастья и облегчения, но и от того, что мне по-прежнему приходится быть без него. Я это знала. И очень этого хотела. Потому что хотя бы поняла бы, что с ним все в порядке. Ну, если не все в порядке – так это что он хотя бы жив. Я очень старательно исключала плохой вариант. Даже из мыслей его изгоняла. Не думать о плохом и верить Господину. В конце концов, разве не ради этого я позволила ему себя приручить?

Телефон лежал передо мной, лишенный права голоса и вибрации. Когда он помигивал – я глядела на экран и сбрасывала. Сейчас я согласна только на звонок от Алекса или от Танюшки. Весь остальной мир я слышать не хочу. Пошли они к черту. Слишком много среди них мудаков.

А потом в дверь позвонили. Так неожиданно, что я чуть не выронила из рук чашку. Покосилась на часы. Вечером пятницы мне ждать у себя в общем-то было некого. Кроме...

Взрослые, уверенные в себе женщины не бегают к двери со скоростью какого-нибудь комиксного супермена. А я бегаю.

Блин.

Я уставилась на экранчик видеоглазка с острым желанием его раздолбать.

Вселенная любила подбрасывать мне не просто обломы, а такие грандиозные, космические, чтобы прям всю перекосило.

Как-то Танькин тогда еще не муж меня по домофону отлично поприветствовал: «Девушка, я не заказывал стриптизершу».

А тут мне хотелось сказать: «Я не заказывала доставку гондонов. Тем более уже использованных».

Антончик.

Мальчик, которому мне хотелось съездить по башке бейсбольной битой. Но вообще, это было бессмысленно: чтобы мозги встали на место, нужно бы, чтобы они в голове были в наличии. Хоть чуть-чуть. А не было. Но мне все-равно хотелось!

Что, Стариков вставил ему по самую простату за мой уход? Ну... Я ж была вполне себе редакционным достоянием, как и Гоша, как и Сема – он же Семен Калугин, наш супер-фотограф, снимавший только для рекламных разворотов, так же как и Василиса – наш стилист и так далее. Ну так должен же понимать – я ж назло не вернусь, лишь бы у этого замечательного человека было побольше неприятностей.

Или сей неотбитый экземпляр за один раз нифига не понял? Ну вот и чего ему неймется, с девочками для переписки же нету проблем. А нет. Стоял тут, в обнимку с какой-то коробкой. И снова потянулся к кнопке звонка, снова заставляя динамик над моей головой стенать скрипкой.

– Зря открываешь, – невозмутимо сообщил Антончик, когда я, уперевшись плечом в косяк, уставилась на него. – У нас весовая категория разная. Если решу на тебя напасть – не отобьешься.

Я фыркнула, но не стала рассказывать про КМС по дзюдо. Сюрприз, если что, будет. Тем более, что, ну, может, он там и качается – Машка отзывалась о форме Антончика (Света, прекрати в уме, добавлять рифмованное окончание, хоть он того и заслуживает) – все равно спортзал не давал всего. Только общую форму. А я умела бить коленом так, что после этого меня как-то раз один мудозвон пытался засудить за то, что он типа бесплоден остался.

И нет же, стоит тут такая самоуверенная скотина, и на роже даже ни единого намека на виноватость. Хотя ладно, это я размечталась, мудаки его пошиба редко имеют достаточно интеллекта, чтобы понять, где они собственно сотворили херню.

Ну и что ему надо в таком случае?

Глава 6. Горький

А спортивные леггинсы и стройные ноги Сапфиры явно относились друг к другу с обожанием. Потому что зрелище было прекрасное. Эд аж завис на мгновение, пытаясь вспомнить, зачем он сюда вообще приперся и в чем собственно состоял его план. Задницу и грудь девушка спрятала где-то под спортивной же, очень широкой футболкой. И это было хорошо, потому что так зависать на отцовскую любовницу, которую вообще-то терпеть не можешь – не особо статусно. Не донашивать же за отцом... Сабу. Вот еще. В конце концов, в Москве достаточно саб, хоть каждую сессию меняй.

– Если ты искал анальных приключений, мой мальчик, ты зашел не по тому адресу. Мои straponы я об тебя марать не буду, – ехидной улыбкой расцвела язва. Вот кстати самый главный её недостаток – слишком длинный язык. Наверное, поэтому с Домами до отца у неё не срасталось.

– А что, много straponов в твоём распоряжении имеется? – Эд поднял брови. Говорил максимально мирно и вообще демонстрируя тоном расположение. Сейчас нужно было вызвать диссонанс с самим собой, чтобы дать почву для подозрения, что тогда он прикидывался.

– Все что есть – все не про твою анальную честь, – фыркнула Сапфира, скрещивая руки на груди.

– Почти стихи вышли, – хмыкнул Эд.

– Каким ветром, товарищ мудака? – снисходительно поинтересовалась Сапфира, и Эд с раздражением отметил, что смотрит она на него как на червяка, пачкающего её лакированные лодочки. – Ты думал, что я тут рыдаю, заламываю руки и мечтаю все исправить?

– Пригласи войти для начала. А там поговорим, – терпеливо произнес Эд, пытаясь проигнорировать выпад.

Сапфира подняла краешек губ, и ни капли дружелюбнее выражение её лица не стало.

– Может, тебя и в спальню сразу проводить? – скучающе поинтересовалась она. – Серьезно, сладкий, брал бы ты свои яйца в правую руку, пока есть что брать, и катился бы ты отсюда к той дуре, которая приняла от тебя ошейник. И командуй тоже ею.

– У меня нет постоянной сабы, – буркнул Эд. Хрен его знает почему. Это вообще было не её дело. У него не было времени на все это. И желания не было связываться с кем-то на регулярной основе. Нельзя было превращать какую-то одну сабу в привычку. А то можно же и контроль потерять, как потерял отец. Может, еще и жениться на сабе? Нет, никаких привычек. Не смешивать собственные увлечения и личную жизнь.

Но насмешливый взгляд Сапфиры и эта её высокомерная улыбочка серьезно выбивали Эда из колеи. Какого хрена она так на него смотрит?

– Ну да, – Сапфира вздохнула. – Иного я и не ждала. Никто с тобой серьезно не свяжется. Ты же одноразовый. От тебя этим за километр несет.

– А ты, похоже, разбираешься? – огрызнулся Эд.

Что за дурная баба вообще? Рядом с ней Эд себя ни разу не чувствовал ни Домом, ни взрослым состоявшимся мужчиной в принципе.

– Одноразовых мальчиков я видела немало, – Сапфира дернула узким плечиком, будто отталкивая собеседника от себя. – Одноразовых Домов – тоже. Вас много – модников, без пороха, которые не могут произвести впечатления без игрушек. Но меня такие не интересуют.

Она будто взяла за цель довести Эда до белого каления. С какого хрена она судила, даже толком его не зная? Ладно, детка, подожди. Через пару недель сама будешь жалеть, что сейчас так себя вела. Сама наденешь ошейник. И вот тогда-то Эд с тебя и спросит. За каждое слово.

– Меняю посылку от Козыря на чашку кофе. – Переругиваться можно было безумно долго, но пора бы уже начать атаку с неожиданного фланга.

О да.

Ну, наконец-то маневр удался с нужной эффективностью.

Язвительная усмешка на губах Сапфиры подзавяла. Она испытующе уставилась на Эда. Опустила взгляд на коробку в его руках.

- Объясняйся, - медленно произнесла она. - Ты от него? От Алекса?

Как она это сказала... Одним тоном выделила "Него", будто с большой буквы, будто говорила действительно о самом важном человеке своей жизни. Где-то внутри Эду вдруг даже стало завидно. Хотел бы он, чтобы хоть одна женщина в его жизни придавала ему столько значения. Хотя... Ну чего это стоит? Изображать можно все что угодно. Если Сапфира предполагает, что отец еще может к ней вернуться, она будет прикидываться невинной овцой, лишь бы её Доминанту о ней передали только самое лучшее. Нет никаких гарантий, что она тут прямо ждала отца и ничего себе не позволяла. Да что там гарантии, Эду в это и верилось-то с трудом.

И... Значит, Алекс? Вот как она его называла. Звучно, ничего не скажешь. Вроде и видно, что не чужой человек, чужой бы такую форму использовать не стал, но и с уважением.

- От него, - Эд кивнул.

Ну как сказать... Вообще, конечно - да. Отец лично передавал Эду эту коробку. Не очень понятно, почему именно ему, потому что о любовнице отца Эд ничего хорошего не думал, но скорей всего потому, что бывшей жене Козырь-старший вообще не доверял, а сыну - худо-бедно. В общем-то зря, Эд так и не собрался исполнить конкретно эту последнюю волю, тем более что отец его так подставил с концерном.

С минуту Сапфира смотрела на Эда. Уже не с издевкой. Сейчас - изучающе.

- Какого хрена тогда? - едко поинтересовалась она.

Ну, на этот вопрос Эд даже оправдание уже придумал.

– Было интересно, на что повелся Козырь, – произнес со всем хладнокровием. – О тебе много слухов ходит. Не поймешь, что правда, что нет.

– Если ты про то, что я была и Верхней, и Нижней, все – правда. Про другие сплетни я не слышала, – нетерпеливо качнула головой Сапфира и потянулась вперед в коробке.

Эд вздохнул, но отодвинул “посылку” подальше от пальцев девушки.

– Давай сначала кофе, – неохотно произнес он. Вот это неудовольствие даже изображать не пришлось. Она поймет. Тут же поймет, как только откроет коробку. И судя по её реакции только на фамилию отца – Эд не ошибся. Сапфира его ждала. И даже с учетом того, что Эд не верил, что за эти два года эта язва ни с кем не спала, но все равно. Как-то к отцу Сапфира привязана была. А говорить людям о смерти близких... О смерти своих и одновременно и чужих близких... Даже не самым приятным людям такое сообщать горько.

Сапфира еще с минуту разглядывала Эда, затем, что-то для себя решив, потрянула головой.

– Полезешь ко мне, я тебе руку сломаю и в задницу запихну, понял? – твердо произнесла она, глядя Эду в лицо.

Он невесело усмехнулся краем рта и кивнул. Звучало убедительно – не как угроза, но как предупреждение. И вообще, Эд сам любил в таком тоне разговаривать, а тут так разговаривали с ним. Ну... Нельзя сказать, что у Сапфиры не было повода.

– Ну, тогда заходи. – Сапфира посторонилась, пропуская Эда внутрь квартиры.

– У тебя от такого количества белого депрессия еще не началась? – заметил Эд, заходя и оглядываясь.

– А ты не видишь, вон же я на диване, лежу – переживаю глубокий кризис личности, – недовольно бросила Сапфира. – Антончик, об интерьере можешь поговорить с моим дизайнером. Я дам тебе телефончик.

Нет, серьезно. Белый – ну, может не снежно-белый, режущий глаз, а более спокойный молочный цвет – тут был везде. Сто оттенков белого – в мебели, интерьерных мелочах, и в интерьере в целом. Даже паркет был самого светлого древесного оттенка, который вообще можно было найти. Хотя зато было полно и других разных цветных цеплявших взгляд предметов. Квартира у Сапфиры была просторная, даже шикарная, в обстановке чувствовалась рука хорошего дизайнера, ну еще бы – отец не стал бы жить в халупе.

Что самое примечательное – по внутреннему ощущению здесь и правда уже давно не было мужчин. Будто было здесь пустое незанятое место, но его никто не занимал, потому что место было “забронировано”. Это было такое странное, интуитивное ощущение. В принципе Сапфира вела себя именно так, транслировала именно эту мысль окружающим её мужчинам. И Эд ей не верил, Эд считал это фальшивым, но сейчас внезапно засомневался.

Фантазия... Фантазия у Эда работала не в ту сторону, и совершенно не так, как надо. Например, уже сидя в кухне за обеденным столом, касаясь пальцами полированного стекла, ему почему-то думалось о том, как Сапфиру на этом столе трахали. Наверняка в квартире ни одного предмета мебели не было, не помеченного Сапфирой и отцом таким вот непотребным образом. И это вызывало неясный внутренний дискомфорт, от этих мыслей приходилось принудительно отстраняться. А потом взгляд цеплялся за подтянутые бедра Сапфиры в этих её синих леггинсах, и все начиналось сначала. Точнее – не совсем сначала, в какой-то момент Эда унесло совершенно в сторону, и он поймал себя на мысли, что в уме уже залез ладонями под белую широченную футболку Сапфиры, скользил пальцами по вздрагивающему животу... Черт, ну какого хрена?

Эд Сапфиру ненавидел. Эд пришел сюда ей сказать о смерти отца, её, Сапфиры, любовника и Дома. А фантазии хоть бы хны, фантазия хотела размышлять о том, какого цвета у этой конкретной девушки соски. Розовые? Коричневые? А может быть, светлые, почти незаметные на белой коже? Тьфу ты, пропасть.

Зря, короче говоря, он решил попросить тот кофе, но ему было нужно сдвинуть отношение Сапфиры в нужную сторону.

– Ну давай, – нетерпеливо буркнула Сапфира, опуская перед Эдом чашку с кофе и приземляясь на стул напротив. Глядела она на Эда с нетерпением и от этого ему стало сильно не по себе. Он-то знал, что ей скажет. И при всей его неприязни, делать больно вот таким образом он не хотел.

Но отступить и оттягивать было уже некуда.

Эд коснулся пальцами обода чашки. Неуместность этого кофе стала еще острее. На самом деле, он не хотел вот так. Но... Если она не знала... Если не было других гонцов, спешащих сообщить эту весть Сапфире... Ну, в тусовке тематиков знали, но Сапфира-то в ней не появлялась. А секреты Козыря-старшего держались в установленных им границах даже сейчас. Он поручил связаться с Сапфирой Эду, и больше никто за эту задачу не взялся.

Эд двинул к Сапфире коробку, которую принес. Белую коробку. Теперь понятно, почему белую. Девушка замерла, глядя на коробку будто с опаской, а затем потянулась вперед, явно намереваясь открыть крышку сразу.

Эд накрыл её ладонь, сжимая пальцы. Это не было спланировано, просто сказать нужно было сейчас. До того, как она откроет. И видимо, что-то было в его лице, из-за чего Сапфира не только не вскинулась возмущенно, но и будто что-то поняла, резко бледнея и прикусывая нижнюю губу.

- Свет... - отрывисто произнес Эд, - Алекса больше нет.

Он сказал это даже не только ей. И себе тоже. И себя тоже резанул за живое, потому что всего неделя прошла, как отца не стало. Всего три дня с его похорон. Он и сам не успел это выпустить из себя, принять и пережить.

Сапфира не сказала ни слова.

Не пискнула, не всхлипнула.

Он вообще бы подумал, что она его не поняла, если бы девушка не стиснула уже его пальцы, с неожиданной силой, будто искала себе предмет, за который можно было удержаться.

И в эту секунду, когда из темных серьезных глаз побежали слезы, Эд ненавидел не Сапфиру. Только себя.

Глава 7. Настойчивый

Первые секунд десять в моем мире стояла свистящая тишина.

- Нет, нет, не может такого быть... —это орет мое сердце. Как маленький ребенок, думает, если упасть на пол и молотить об него руками и ногами – мир вдруг перестанет быть жестоким.

- Кажется, мудака не врет, – выдает свой беспощадный приговор мое чутье. И это на самом деле самое страшное.

Я вижу по глазам Неберта – ему действительно не по себе. Он и сам выбит из колеи. Кажется, нету у него привычки сообщать новости такого рода.

Я встала из-за стола, лишь бы не смотреть в лицо Антону, лишь бы он не видел этих проклятых слез. Ушла к окну, здесь прихватив с собой пару бумажных салфеток. Нет, некоторые вещи я в себе ненавидела, и вот эту эмоциональность – в первую очередь. Теперь неприятный мне человек в курсе моей слабости. Но боже, как же тошно, невозможно терпеть.

- Когда? – выдохнула я.

- Третьего октября, – негромко откликнулся Антон. Я его лица не видела. И не хотела. Но пришлось повернуться и шагнуть к столу, по-прежнему не глядя на Неберта. Просто я забыла на столе телефон. Поисковой запрос набрала, на дисплей телефона даже глядеть побоялась, выключила экранчик.

- От чего? – глухо поинтересовалась я, глядя как внизу, на детской площадке ползает малыш. У Алекса не было моды жаловаться на что-либо, иной раз мне казалось, что он не хочет, чтобы я знала хоть о какой-то его слабости.

- Ангиосаркома*, – невесело откликнулся Антон. – Обнаружили на ранней стадии, думали, что с терапией удастся протянуть хоть лет пять, но нет. Не удалось.

Алекс... Боже, был бы живой – это был бы твой первый косяк за все наше время вместе. Двинутый на том, чтобы продемонстрировать лишь силу – взял и лишил

меня возможности оказаться рядом в период его слабости. Я же хотела во что бы то ни стало быть с ним до последнего его вздоха. Но нет. Мне возможности не дали.

- Похороны были уже?

Мало шансов. Обычно вся эта волокита со вскрытиями после смерти длится дня три. Тут же прошло уже семь, но мало ли... Вдруг бывшая семья Алекса провозилась с ритуальными церемониями, и я могу хотя бы с ним попрощаться.

- Были.

Забавно.

Я же знаю, что у Алекса была и бывшая жена, и сын. Нет, я не требовала от них нормального отношения, но неужели Алекс не попросил никого из них позвонить мне? Неужели ни одна тварь не понимала, что это отвратительно - просто не дать мне проводить Его в последний путь. Ладно, жена - её от одного моего упоминания должно было перекашивать, но и Он бы вряд ли обратился к ней. А вот сыночек... Козел. Он же про меня знал. Должен был. Неужели было так сложно? Неужели его мамочка на похоронах бы закатила истерику?

Нет, нужно было проверить. В конце концов, передо мной сидел козел, пытавшийся затащить меня в постель. А сердце иррационально проталкивало надежду, что Антон мне врет и это все очередной маневр озабоченного идиота. Ох, как ему не поздоровится, если это действительно так... Но лучше бы было именно так!

Я ненавижу интернет за то, что информация была всего в одном запросе, поэтому какие-то горячие темы остывали сейчас гораздо быстрее. А сейчас эта моя ненависть обострилась особенно. Некрологи - естественно, есть. Немного - ну, Алекс не был супер-звездой, за которой охотно бегают журналисты, всего лишь крупным бизнесменом, но все же достаточно крупной шишкой, чтобы о его смерти писали. Правда была от меня на расстоянии поворота головы...

Но если бы я не дистанцировалась от всего, что не касается моей рабочей сферы - сама бы уже знала.

Хотя нет, дело было не в работе. Дело было в том, что я осознанно избегала поисков информации о делах Алекса. Во-первых – боялась травить себе душу, во-вторых... Ну, да, он велел в это не лезть, сказал, что если будет нужно – весточку о себе передаст сам. Передал...

На подоконнике кухни я оставила часть своих вещей, которые притащила с работы. Чашку, контейнеры, в которых грела еду, хлебцы для перекусов, фотку в прозрачной стеклянной рамке. С Танькиной свадьбы фотку. Она уже год стояла на моем рабочем столе.

Я на этой фотографии была упоротая – пыталась поколотить невесту её же букетом. Эта умница как целилась... Бляха, а я ведь... Я ведь сочла это хорошим приколом от судьбы. В духе “Значит, Алекс точно вернется, и уже никуда от меня не денется”. Фотография полетела в стену, во все стороны брызнули осколки.

Фотка была не виновата, Танька была не виновата, а я... Я не могла. Мне смертельно хотелось что-то разнести.

Света, ты здесь не одна, держи лицо...

– Ты-то ему кто? – на выдохе спросила я, пытаюсь перехватить накатывающую на меня истерику. Так-то неважно это было, но нужно же было чем-то занять мозг.

– Друг, – просто откликнулся Антон, скрещивая руки на груди. Я чудом не фыркнула. Нет, конечно, Алекс мог přátельствовать с любым, с кем бы ему вздумалось, но этот сопляк на друга Алекса не тянул. Да и тоже мне друг, интересно сколько раз спустил, перебирая мои фотки. Хотя... Фотки как-то к нему попали, может и вправду друг. Но в мой шаблон Его друга Неберт катастрофически не вписывался. Ладно. Плевать.

На все плевать.

– На каком кладбище? – тихо спросила я, разглядывая фотографию в магнитной рамке, закрепленной на дверце холодильника. Одна из немногих фотографий с ним. Кстати – студийная, он сам предложил незадолго до того, как решил уехать... на лечение. Видимо, подозревал, что может не вернуться, решил оставить мне хоть что-то на память. И да, я смотрю сейчас на эту фотографию –

приличных размеров, кстати – и я сижу у Алекса на коленях. Помню съемку покадрово. Помню и этот кадр. Горячую тяжелую ладонь на моей талии, от которой по спине бежали мурашки. И он здесь – выглядит ни в коем разе не на свой возраст. Когда я его встретила, даже не поверила, что ему больше сорока. Зрелый, заматеревший – такой мой... И ангиосаркома, которой я даже не могла предположить. Два года с Алексом. Кто-то говорил, что любовь живет три года, а мне казалось, что мне становится только хуже. Мысли скакали суетливо, как горох.

– Давай я тебя отвезу, – осторожно предложил Антон, а я, бросив взгляд на него, успела заметить, что он пялился на мои сиськи. Отвел взгляд в последний момент и уставился на сахарницу перед собой. Отлично, твою мать, очень вовремя ты это делаешь, придурок. Уместность, не-не, не слышали?

– Я доеду сама, – едко бросила я. Нет, серьезно, мне не нужен был рядом со мной на кладбище этот озабоченный медведь. Категорически. Он бы все испортил, и рядом с ним я бы не смогла даже дать волю эмоциям.

– Ну, вообще, половина аварий происходит, когда водитель по какой-то причине не может сосредоточиться на дороге. Нервная нагрузка сказывается.

Идиот. Вот серьезно. Откуда вообще брал весь этот бред?

– Я вызову такси, – хотя это было не обязательно, обычно стресс заставлял меня сильнее фокусироваться на происходящем.

– Со мной не придется бродить по кладбищу, я сам тебя отведу.

– Слушай, чего тебе надо, Антон? – поинтересовалась я. – Я не хочу, чтобы ты мне мешал. А ты помешаешь.

– Козырь был моим другом. Он просил тебе сказать.

– После похорон? – Если бы мой голос был опасной бритвой, сейчас этой фразой я бы перерезала Неберту горло. – Ты уверен, что ты был ему другом, Антончик? Как-то очень неважно работает твоя дружба, потому что вряд ли Алекс хотел лишиться меня этого. Ты в нашем журнале неделю. Значит, мог о похоронах

сказать раньше.

– Свет, я не могу ссориться с сыном Козыря, – прохладно отрезал Антон. – У меня с ним есть дела, и он диктует мне условия. Он не хотел видеть тебя на похоронах.

– Ну и почему нынче курс серебрянников? – я приподняла бровь. – Почему продал дружбу?

Ковырнула. И честно говоря, от раздраженно поджатых губ Неберта мне стало чуточку лучше.

Значит, все-таки сын... Жаль, у меня не было возможности с ним повидаться. Держу пари, что попробуй я даже добиться встречи, сыночка будет всячески козлить и бегать. Хотя.... На хрен бы мне это не сдалось. Но подумать о мести козлу все-таки можно – теми медиа-средствами, что у меня имеются. Должна апельсинка ответить за свое поведение, даже если она от моей осинки уродилась.

– Свет, давай я тебя отвезу все-таки, – повторил Антон. – Прости, что так вышло с похоронами, мне жаль. Дай хоть как-то исправить положение.

Улыбнулась я на это очень ядовито. Конечно. Чудно он исправляет. Разумеется, этого же достаточно, так? У меня же нет выбора, я ж не могу отмотать назад.

– На кой хрен мне твое исправление, Антон? – поинтересовалась я. Как же я от него устала... Надо бы выставить его уже, пробить адрес кладбища самой и пойти туда – петлять между могилами. Но... Он – последняя ниточка, связывающая меня с Алексом. Все что есть. Уйдет он – и в моей жизни останется лишь пустота и тишина. На самом деле... Да, может и стоило согласиться, чтоб отвез. На самом деле оставаться сейчас одной мне не так уж и хотелось. Я знала, что со мной будет. Пока он здесь – я вынуждена держать стержень, и меня не выжимает со всей силы эта лютая боль, от которой я сейчас отстранялась.

– Все это очень далеко зашло, – отстраненно откликнулся Антон, залпом допивая свой кофе. Остыл уже... Даже удивительно, что льдом не покрылся. – Я не хотел, чтобы ты увольнялась.

– Тебе-то какая разница? – с сарказмом поинтересовалась я. Нет, издеваться над Антоном было приятно, что ни говори. Знала я, зачем он тут. Я же не набивала себе цену – и могла понять, что наш гендир очень вероятно был очень недоволен моим увольнением.

– Свет. – Антон впервые в ходе этого разговора встретился со мной взглядом, и... Да, вот сейчас это был взгляд, похожий на взгляд большого босса и даже слегка – доминанта. Твердый, уверенный, даже слегка опасный. Ну хоть что-то, мир хоть не совсем сошел с ума, и люди хотя бы чуть-чуть соответствуют тем местам, которые занимают в жизни.

И я все равно задрала левую бровь как только смогла. Мне-то сейчас Антошенька был никем. Ни Домом, ни боссом, и на него мне было плевать. Единственная ценность его была в связи с Алексом. Но и та... Довольно зыбкая.

– Да, меня поставили на должность по блату. Это не значит, что я хочу, чтобы под моим руководством журнал загнулся.

– Ты мне угрожал увольнением, – невозмутимо напомнила я. Чем бы мозг ни занять, хоть даже тупой перепалкой, лишь бы не думать в большую сторону...

– У тебя на редкость длинный язык, – Неберт пожал плечами. – Это меня всегда выводит из себя. Я хочу, чтобы ты вернулась на работу. Поэтому сделаю все, чтобы

разрешить этот конфликт. И все-таки, давай я тебя отвезу?

Прагматично у меня было желание послать его куда подальше. Эмоционально...

– Ладно, только я переоденусь, – буркнула я и, забрав со стола коробку от Алекса, ушла из кухни.

– Не будешь открывать сейчас? – Это Антон спрашивал у моей спины. Его простота своей святостью перещеголяла бы всех двенадцать апостолов.

– Не при тебе же.

И не сейчас. Мне просто нужно было подготовиться морально к его последнему посланию, чем бы оно ни было – оно меня непременно размажет. Так что... Чуть позже, в компании виски – я и открою эту коробку. Вскрою эту рану.

Когда я вышла, переодевшись...

– Антон, ты издеваешься?

Он завис. Самым откровенным образом завис, разглядывая меня. Господи, почему я не завела бейсбольную битку, а? Ну тошнило меня от мужского внимания. Тошнило. Но к Алексу даже на кладбище я не могла явиться в чем попало. Поэтому да, собиралась как на свидание – туфли, платье, чулки. Все черное, как Он любил. И в тон настроению, которое вообще хотело одеться во что-то космически черных цветов. Кто сказал, что тоска зеленого цвета?

– Ты ужасно красивая, – хрипло выдохнул Антон. Такое ощущение, что я была единственная особь женского пола на всю планету.

– Спасибо, я знаю, – едко выдохнула я. – Так и быть, прощаю. Но сяду пожалуй на заднее кресло, чтоб ты не пялился.

– Да... Это было бы кстати. – С видимым усилием он отвел взгляд. Ну, охренеть. Антон Адреевич, ты хоть чем-нибудь, кроме головки члена, вообще думаешь?

Ладно. Еще пару часов его потерплю, а потом – нахрен-нахрен. Не знаю, вернусь ли в журнал, но если и да, придется очень старательно прорабатывать вопрос субординации.

– Не вздумай, – прошипела я раздраженно, когда Антон потянулся к моему пальто, явно чтобы помочь мне его надеть. Господи, ну что за... Я едва держусь от того, чтобы не завывать, а этот только и норовит... Со своим вниманием...

Руку Антон убирает, но недовольство на лице проступает довольно явно.

А желание послать его никуда не делось. Вот только оставаться наедине с тишиной мне пока страшнее.

*Ангиосаркома – одна из форм рака сердца.

Глава 8. Неуместный

Эд стоял у машины и курил, гипнотизируя взглядом кладбищенскую ограду. Давненько он не чувствовал себя настолько озабоченным, как сегодня.

Сапфиру хотелось назвать сучкой, но в конце концов, это у Эда случилось какое-то затмение, когда она вышла к нему в платье – при чем тут собственно она? А вообще – чего в ней особенного? По-прежнему ничего. Смазливых девиц в Москве было более чем достаточно, и с куда более покладистым нравом. А эта – шипела как змея, чуть что огрызалась, иной раз почти рычала, ну и на кой хрен такая дерзкая баба вообще нужна? Правильно, поиметь пару разиков, вытрясти не полагающееся ей наследство и закрыть дверь с той стороны, вновь в свободное плавание, к нормальным, на все готовым и не таким проблемным.

И вообще мозг работал как-то странно. Это же была Сапфира. Отцовская подстилка. Та самая, которая самого Эда в глаза назвала одноразовым. А мозг отчаянно цеплял взгляд за сиськи и утверждал, что они очень даже ничего.

А тут еще и ноги. Нет, платье Сапфира надела очень закрытое, офисные львицы вот этот черный строгий футляр, прикрывающий колени, сочли бы нарядом монашки, но...

Отчасти Эд понял, почему она не носила платьев на работу. На правой ноге Сапфиры по всей голени была татуировка. Красивая такая, в приглушенных красках, не вызывающая – синяя птица и красные розы.

Эд очень отрицательно относился к татуировкам на женском теле, а тут внезапно залип. Татуировка была красивая, ноги у Сапфиры были красивые, и друг с дружкой они отлично соотносились. И твою ж мать, какие изящные щиколотки... И туфли эти – с тремя ремешками на каждой лодыжке. Вот просто сучка-Сапфира, какого хрена вообще она так влияла на Эда? Не собирался он на

неё залипать, лишь трахать, а тут – и не трахнул ни разу, а слюной изошел уже все тридцать раз.

Вот и стоял себе Эд у машины, курил, а в уме перебирал все недостатки Сапфиры, напоминая себе, что нет, это хреновый вариант, и ни в коем случае обращать на Сапфиру как на женщину внимания не стоит.

Наглая – это раз. Никакого трепета не испытывала ни перед чем: ни перед авторитетом начальства, ни перед мужчинами, ни перед мнением общественности. Какому доминанту нужна такая наглая женщина? Покладистость была достоинством, а не вот этот вот характер.

Высокомерная – это два. Как она дернула плечиком, когда Эд довел её до могилы отца.

“Оставь нас”.

Нас!

Вообще-то это Эд был тут “родственником умершего”, а Сапфира была исключительно отцовской девочкой для траха. Жениться он на ней так и не собрался. Значит – не так уж много и значила...

Рассудок у Эда был сволочью. Рассудок пробубнел, что вообще-то завещанные акции... И та херня на дне рождения. Не значила, а? Уверен?

Вот кстати третий недостаток Сапфиры. Самый жирный. Она была с отцом Эда. И идея проникаться искренним желанием к отцовской любовнице была далека от восхитительности. Тем более что девочка явно связалась с отцом из-за денег. И все вот это, все эти её жесты, все слова, летящие в стену фотографии, были чем-то фальшивым, надуманным. Ей хотелось показать, что ей не все равно – и она показывала. Ну а как еще? Пусть все думают, что у них там все “серьезно” с отцом было. И нет, разумеется, не он ей квартиру покупал. Её шикарную квартирку в неплохом районе Москвы. Да и акции опять-таки... Наверняка ныла, как ей тяжело работается и как бы хотелось пожить для себя.

Так что, все, пора завязывать. Тем более у девчонки горе, может, не грандиозное, при её внешности найти нового содержателя будет не сложно, но все-таки. Не совсем же она моральная курва, переживает же. Совершенно неуместно на неё вот так залипать. Тут не понятно как до секса-то довести, чтобы потом перевести в плоскость Темы, но, в конце концов, сейчас цель совсем другая. Сначала – она должна забрать заявление. А потом у Эда будет неделя, чтобы затащить Сапфиру в постель. Ну или две, только денег на подкуп Вика и продление “больничного” Гоши и жалковато. Но за две-то недели он справится! В конце концов, в чем сложность-то – задурить голову себе? Кстати, где она?

Эд покосился на часы. Во рту уже от сигарет было кисло, давненько он не скуривал шесть штук за один только час. Долго же она прощается...

Между могил Эд брел неохотно. Кладбища он не любил в принципе, да и кто их вообще любит, кроме особенно увлеченных готикой подростков? Кладбище было элитным, все дорожки были ровные, асфальтированные, пространство между могилами было засеяно газонной травой и здесь ездил с газонокосилкой садовник, который помимо всего прочего умел в ландшафтный дизайн и придавал кустарникам разнообразные очень абстрактные формы. И конечно, памятники тут тоже были сплошь пафосные и дороженные, даже на них заказывали дизайнеров. Куда ни плюнь – везде лоск и китч, даже в посмертии.

Эд ждал, даже можно сказать, что слегка надеялся встретить Сапфиру на дорожке, ведущей к выходу. Снова подходить к отцовской могиле было на самом деле непросто по настроению. Его больше не было. И он не прожил даже половины той жизни, которую проживают очень многие. И какого хрена вообще?

Хорошо, что дорожки были асфальтовые, а не гравийные, а то сейчас Эд мог и спалиться, что он застучал Сапфиру не в самый подходящий для этого момент. Он никогда не видел, чтобы сидели вот так – сбоку от памятника, нет, не на земле – всю территорию могилы укатали в черным мрамор, но так вышло, что формально Сапфира стояла на коленях у ног отца – точнее у того его ростового портрета что сделали на памятнике. Стояла, прижималась лбом к мрамору, упиралась в него ладонями.

Плакала Сапфира беззвучно, со стороны вообще могло показаться, что она задыхается. Но все же лицо – алое от долгих слез, искаженный от невыносимой боли рот и ладони, сжатые в кулаки, а костяшки – разбиты, как у драчливого

пацана. Она что, лупила по памятнику? Вот отбитая...

Сапфира не замечает Эда, она вообще ничего не замечает, и кажется – её слезам конца и вовсе не предвидится. И видеть такой стальную Сапфиру с зубами как у пираньи – будто видеть снежного человека. Вот реально вроде, но и сам себе потом вряд ли поверишь, не то что кто-то другой.

Эд подходит к могиле, но даже этого девушка не замечает. Почему-то от её беззвучности сильнее всего идет мороз по коже. Будто и это – не предел её горя, а дай она себе волю – и наверняка взорвалась бы, разнесла бы все это огромное кладбище.

– Свет.

Не реагирует. Вообще будто оглохла, ослепла. Приходится подойти, взять за плечо – чуть встряхнуть.

– Света...

Она кажется пустой, будто кукла. И как-то само по себе возникает ненавязчивое желание взять те мысли, которые Эд там предполагал, про деньги, про неискренность, свернуть в трубочку и запихнуть в задний карман джинс.

– Пойдем.

Эд заставляет девушку встать на ноги, но... Она будто разучилась ходить на каблуках и выпила одновременно. Сапфира пошатывается и чуть не падает на Эда. С минуту так и стоит, уткнувшись лбом в его плечо, вцепившись в пуговицу на его пальто, будто пытается вспомнить – кто она, где она и что ей делать дальше. А Эд ощущает себя идиотом, потому что категорически не понимает, что ему делать дальше. Хотя... Чего тут понимать?

Когда Эд подхватывает Сапфиру под колени, она взвизгивает и, кажется, слегка приходит в себя. У неё нет выбора, ей приходится вцепиться в шею Эда.

– Ты охренел? – раздраженно шипит Сапфира.

У неё зеленые, как крыжовник, глаза настоящей ведьмы. И все-таки Эд лишь поджал губы.

– Помолчи хоть минуту, – буркнул он и, не отпуская девушку с рук, зашагал в сторону выхода с кладбища.

Охренел, не охренел – какая, к черту, разница? Разрешения, что ли, спросить? У неё, которая вообще будто ушла в глубокую истерику? Может, пара пощечин и решила бы дело, но Эд и пальцем не собирался к Сапфире прикасаться, пока она не наденет ошейник. Если она, конечно, наденет. Что-то после увиденного Эду начало казаться, что его дело – труба. Что надо как-то по другому, потому что как он планировал – уже, кажется, не выйдет.

Вообще, он не ожидал, что Сапфира его послушается, но она, кажется, была совсем не в форме, поэтому просьбу выполнила. Затихла, съежилась на руках Эда, даже на нормальную женщину начала быть похожа.

Теплая. И духи вкусные – никак не надышаться. И опять оно заворочалось – это вот неумное желание забраться Сапфире в трусы. Вот сейчас Эд и сам сомневался в собственной адекватности. Она эмоционально раздавлена, вот сейчас это совершенно не в тему.

От греха подальше Эд сгрузил Сапфиру на заднее сиденье машины. И не пялился, принудительно не пялился. Сел за руль, пристегнулся, прикрыл глаза.

– Как ты? – и него самого голос был глухим.

– Увы, жива, – негромко откликнулась Сапфира. Саркастично, но с болью.

– Так бывает, – тихо произнес Эд. – Он ушел, мы остались.

– Лучше бы остался Он, – с горечью произнесла девушка.

Эд даже отчасти был согласен.

– Извини, – вдруг в какой-то момент произнесла Сапфира, пока Эд вел машину и жутко жалел, что не взял водителя. Ну, может же быть у главного редактора и

мажора личный водитель? Хотя кому попало свою жизнь доверять не хотелось, а свой проверенный водила вполне мог случайно назвать Эда по настоящему имени.

Но так была бы возможность сидеть на том же заднем сиденье и смотреть на Сапфиру, а может и вовсе воспользоваться оказией и подставить ей для рыданий плечо... Тьфу, опять Остапа не в ту сторону унесло. Какое нахрен плечо – это Сапфира, а не обычная девица. У неё уже даже сейчас в голосе нет слез. Она была слабой только для отца, по всей видимости. Для всех остальных она была саблезубой тигрицей.

– За что? – уточнил Эд.

– За все, – сипло откликнулась Сапфира. – И меня тут сильно развезло, не ожидала. Просто он был...

– Всем для тебя? Да, я помню. – Фраза оставила необъяснимый горьковатый привкус на языке.

– Да. Всем. И его больше нет, – тихо произнесла Сапфира. – Знаешь, в Египте, когда фараон умирал – с ним в гробницу отправлялась его жена.

– Своеобразно...

– А я бы пошла... – В её голосе звенела тоска и боль. Настолько неприкрытые, настолько искренние, что если она играла и это – ей точно нужно было выдать Оскар. Или два. Эд чудом вписался в поворот, до того его выбило из колеи это заявление Сапфиры. И все сильнее одолевали сомнения, что у него вообще что-то получится.

– Слушай, давай выпьем, а? – предложил он. Больше даже для себя, чем для кого-то еще. В конце концов, его тоже триггерил из-за смерти отца, и он толком даже не давал себе забыться за эти дни.

А ей сейчас так же больно, как и ему, – и даже сильнее, хоть Эду и казалось, что это невозможно.

– Ну давай, – устало откликнулась Сапфира. И эта усталость, эта апатия ей категорически не шла.

Глава 9. Терпкий

Алекс...

Ну вот ты мне и соврал.

В первый раз, да.

Знаешь, я б с удовольствием бы сказала то же, что и всегда, что так не бывает, что ты – ненавидишь ложь. Но вот.

Ты обещал вернуться.

Не смог.

И все, что было в моей душе живого – в лохмотья, в клочья, в кровавые лоскутки. Мне чертова куча лет, а все что хочется – это забиться в угол, и выть, выть, впиваясь ногтями в собственные щеки. Так чтобы до крови, до боли, чтобы дать выход этой мучительной горечи, разрывающей сердца на мириады частиц..

Нет, я знала, я понимала, с кем связываюсь, и когда человек на двадцать лет старше тебя – это так-то уже критично. Но... Рано. Рано, очень рано. Я верила, что Он проживет вечность. По нему никогда особенно и не казалось что ему столько лет, и что у него сын – мой сверстник.

Вот почему нельзя как в сказке, чтоб взяли и умерли в один день? Почему мне нужно сейчас продолжать жить, когда Его больше нет. Нельзя. Я была для него, он – для меня. Не было в мире больших совпадений. Не было в жизни моей мужчины, который был готов ради меня на столько. И ради которого я была готова на все.

Я бы хотела чтобы сейчас над моей головой бушевала гроза. Чтобы так, будто небеса раскалывались на осколки. Я бы хотела, чтобы вокруг меня бесновался ураган. Выворачивал бы деревья с корнем, швырял машины в стены многоэтажек. Желательно – чтобы всему миру сейчас в принципе настал уже проклятый апокалипсис, который как всегда запаздывает.

Напиться... Напиться – это хорошая идея. Хотя бы какая-то. Потому что в моей голове сейчас категорически нет никаких мыслей. Я не представляю, как мне сейчас возвращаться домой. Там в шкафу – все еще висят отглаженные Его рубашки. Там много всего, с чем соприкасались его пальцы. И оставаться наедине с этим – невыносимо больно. Хоть все это поливай бензином и сжигай на ритуальном костре. Мне надо как-то дожить до утра, а как это сделать – я пока не поняла...

Алекс... Вот что ты натворил вообще? Зачем так въелся в душу? Сама дура, конечно, сама сделала тебя своим личным божеством, своей вечной слабостью, но вот почему...

Ехали мы неожиданно долго, хотя я не особенно заметила этого времени, на вкус оказавшегося как серый кисель. Просто сидела и смотрела в окно. Надо было – на пролетающие мимо машины, многоэтажки, светофоры, а получалось – сквозь. Сейчас Антон мог завезти меня даже в какой-нибудь лесочек, придушить там и прикопать под сосенкой. Я бы даже особо не сопротивлялась.

– Приехали. Выгружайся, – наконец заявил Антон, и мне пришлось собрать мысли в кучку, чтобы походить на человека, хотя бы отчасти.

Я выгрузилась. Огляделась. Втянула в себя отнюдь не свежий московский воздух, выдыхая из груди эмоции. Хоп, выключили истеричку, включили доспех и алкогольчку. Господи, как паршиво сейчас пытаться быть сильной, но выбора особо не было. Все лучше, чем задыхаться от пустоты, сдирающей кожу с души.

Огляделась. Нет, не лесочек. Сосенки в поле зрения нашлись только на горизонте. Жаль.

– Куда ты меня притащил вообще? Это не похоже на бар!

В профиль это походило на особняк на Рублевке. Я не то чтобы часто тут бывала, в конце концов, журналистов тут не очень жаловали, но очертания местных выпендренных домишек знала. И тут был шикарный такой мини-замок из светло-коричневого камня с витражами на окнах, и даже с парой башенок. Ну надо же какие мы крутые, понты аж из ушей выливаются. Мажором был, мажором и остался.

– Слушай, Света, ты что мне предлагаешь, чтобы я смотрел, как ты пьешь, или чтобы меня потом дровами в такси грузили? – едко поинтересовался Антон, склонив голову набок. Ой ты божечки, у него что, зубы есть? Куда делся мудака Антошенька, который бесил меня все эти пять рабочих дней? Этот даже отчасти походил на мужика. На полтютельки.

– То есть дровами в такси должны грузить меня? – устало уточнила я. – Я против, я пьяная и от тоски могу изнасиловать таксиста.

– Света, будь любезна, посчитай количество этажей, – рыкнул Антон. Боже, неужели я его достала? Не прошло и полгода, что ли? А я уж думала, что потеряла форму.

– Два.... Или три... Извини, я не в форме для высшей математики.

– Это в принципе не важно, что на двух, что на трех этажах точно должна найтись пара кроватей. Разойдемся где поспать.

– Почему не ко мне тогда? У меня тоже есть, чем нажраться.

– Потому что в наличии второй кровати у тебя в квартире я сомневаюсь. А спать на каком-нибудь диванчике я не согласен.

– Я надеюсь, алкоголь у тебя приличней, чем твоя прическа, – вздохнула я, поймала взгляд Антона, развела руками. Ну кто ж тебя заставлял рождаться с этой вот соломенной башкой?

Собачиться сил не было. Я не ожидала, что меня так размажет на кладбище. Просто стоило увидеть тот ростовой портрет на мраморной стеле... Его – широкоплечего, с выпрямленной спиной... И ноги сами подкосились. В общем,

все, что мне хотелось – напиться и уснуть.

Покажи мне свой интерьер, и скажу, кто ты. По корешкам книг в шкафу, по тому, как небрежно валяются на журнальном столике какие-то бумаги. Я не приглядываюсь, не мне лезть в чужую жизнь, а вот не сбрасывая туфель опуститься перед растопленным камином самурайский кодекс чести не мешает. На медвежью шкуру. Будь я в форме – я бы проехала по этому характерно “брутальному” акценту. Вот как с какой-то шпаргалки списывал – шикарный домина, камин, шкура перед ним. Спроси – наверняка навешает мне на уши кучу лапши, типа “сам прикончил, перегрыз зубами медвежье горло, шкуру снимал с использованием самодельного перочинного ножа”. Сколько таких чудных историй я уже слышала... Хрен с ним. Сидеть нормально.

– Кто каминчик топил?

– Домработница, живет во флигеле, – откликнулся Антон и ушел куда-то в тьму собственного дома.

Вернулся быстро, не один – но в компании бутылки с джином, двух стопок и двух тарелок с нарезанной закуской на столике-подносе.

Джин... Довольно странный, но хороший выбор под ситуацию. Вино было бы не в тему, коньяк или абсент – слишком попсово, водка – сильно перебор, я её не любила. Либо у парниши хорошие осведомители, либо его вкусы в алкоголе удивительным образом похожи на мои.

Антон разливает неторопливо, глядя на пламя, пляшущее по поленьям.

– За Алекса?

– За него.

И не чокаюсь...

Чистый джин – не очень-то популярен: слишком крепок, его куда чаще льют в коктейли. А я люблю эту травяную терпкость, раскатывающуюся по горлу. До сомелье мне далеко, с каких холмов собирали можжевеловые ягоды – ни за что

не скажу, даже привкус вереска я едва разбираю.

И нет в этом мире сейчас ничего, только полумрак, что топит этот дом, боль – что мы разливаем на двоих по стопкам, и прогорающие поленья в камине.

На самом деле я не была права – после нескольких глотков джина становится очевидно, что Антон переживает из-за смерти Алекса. По своему, по-мужски, молча – но переживает. Возможно, сотрудничество с апельсинкой – младшим Козырем – не приносит ему особого удовольствия. Ой, только попадись мне, мелкий хрен, я тебе откручу все, что у тебя боле-менее выступает за пределы тела. За то лишь, что не дал попрощаться.

– Как вы с Козырем вообще познакомились? – спрашивает Антон после третьей стопки. Он уже содрал с шеи пижонский галстучек, расстегнул и закатал рукава на рубашке и вообще сидит на шкуре скрестив ноги. Расслабился. Я в своем платье ему немного завидую. Я-то так не могу.

– Ночь, притон, фонарь, аптека... – я пожала плечами, прихватывая с тарелки ломтик апельсина.

– Я серьезно, – недовольно буркнул Антон, снова наполняя стопки. – Если это секрет или компромат какой...

Да нет, это не был секрет. И тем более это не был компромат. Я вообще не могу представить, что могло бы оказаться компроматом на меня. И я была как раз настолько пьяна, чтобы болтать о личном с первым попавшимся под руку собутыльником.

– У меня была сессия в клубе, – протянула я, припоминая. – Когда я уже уходила – Алекс задел меня машиной. Отвез в больницу. Там было весело, кстати.

– Почему?

– Ну а представь! – я хихикнула. – Привозят в больницу сбитую малолетку. Двадцать три – это малолетка, отвечаю. Она такая снимает плащик, а под ним – кожаный корсет, ботфорты, а из сумки моей, пока я искала паспорт, выпал флоггер.

Одна медсестричка шлепнулась в обморок, а Алекс сидел и смотрел на меня, охреневая.

- А потом?

- А что потом? - голова уже дивно кружилась, и боль почти не плескалась в груди своим кислотным прибоем. - Две недели он навещал в больнице сломавшую руку меня. Потом - возил на учебу. К исходу второго месяца нашего с ним знакомства Алекс предложил мне место любовницы.

Ну точнее он меня тогда оприходовал на заднем сиденье своей машины. А я чуть не вышибла ему пяткой стекло. А еще через неделю мы съехались... Но это я не расскажу. Это - сугубо мое, сладкое, щемящее.

- Ты была ему ванильной любовницей?

- Ванильной, поначалу, да, - я кивнула. - Без пороков и даже без воспитания. Только мы же все равно не удержались.

- Ты знала, что у него семья?

- Антон, ты меня поишь или исповедуешь? Какая семья? У него сын мой сверстник. Даже старше, если я правильно помню. Ладно бы там было что разрушать и кому наносить моральные травмы, тогда я бы поугрызалась совестью. Хотя, судя по всему, я его переоцениваю. У юноши явно куча моральных травм образовалась.

- Ну, допустим. А жена?

- Антон, - я вздохнула. - Ты же сам Дом, если, конечно, не врешь. Ты же должен понимать - у садистов есть потребности. И что лучше - садист, который пытается сдерживаться, а потом срывается на нормальной жене, или садист и мазохист, которые помогают друг дружке получать необходимые эмоции. Алекс был садистом. Его жена мазохисткой не была. Она просто не могла обеспечить его потребности, и это же хорошо, что он не бил её, а искал удовлетворения там, где мог его получить и не навредить кому-то.

Это была очень длинная речь, но во мне, чем больше я целовалась с джином – тем больше просыпалось красноречие и желание поучить одного конкретного раздолбая жизни.

Антон промолчал, а потом залпом опустошил еще одну стопку. А бутылка-то почти обмелела...Хорошо мы её уговорили.

Я глянула на профиль Антона и обомлела.

То ли это джин мне здорово влиял на зрение, то ли так странно играли отсветы огня на лице Антона, но...

Он был похож на Алекса. В профиль это было особенно заметно. Еще бы волосы были потемнее (этот хаер цвета пшеницы жутко меня раздражал) и рост чуть пониже... Божечки...

Хорош... Может, мне больше не наливать? Но... Бутылка еще не пустая. И сыр еще тоже остался, и даже пара долек апельсина.

В какой-то момент я заметила, что не только я украдкой поглядываю на лицо Антона, гадая – это мне так в алкогольном кумаре кажется, или, может, он Алексов внебрачный сын. Сам Антон пялился на мои ноги. Причем почти не отрываясь.

Я бы пошутила, что мои глаза гораздо выше, но решила, что просто не выговорю эту шутку до конца. Язык завязался бы в узел на первом же слове.

– Я все думаю... – медленно произнес Антон. – Почему на фотографии не было татуировки.

О-о-о. У меня пьяной развязывался язык еще сильнее, чем обычно, у Антона – просыпались мозги. Ну, надо же, как бывает. Света, окстись, нельзя так поиздевательски думать про собутыльников. Хотя он прав. Татуировки действительно тогда не было. Ни одной. Наблюдательны-ы-ый!

– Фотографиям почти три года, – неторопливо протянула я, отчаянно борясь с желанием растянуться на бедном медведе, раз уж он тут валялся, – татуировке –

год.

– Радикально. А если бы Козырь вернулся? Разве тебе бы за это не досталось?

Я прикрыла глаза и все-таки легла. Пьяная – не всегда бревно. Даже наоборот. От слез меня сейчас отделяли только мои же веки. Если бы...

– Я – мазохистка, Антон, – медленно произнесла, раскрывая глаза, и уставляясь в потолок. – У меня есть потребность в боли. Два года эту потребность приходилось удовлетворять без Темы. Уж как справлялась. Но я бы перед ним ответила, ты же понимаешь?

Антон ложится рядом. Шкура широкая – мы помещаемся.

– Ну и где там твоя не одна кровать? – фыркаю я, перекатываясь на бок и подпирая голову локтем.

– Мы не дойдем, – отвечает Антон мне в тон и сам ко мне поворачивается.

Вот сейчас он смотрел мне в глаза. Все так же пристально и упорно, и взгляд не скользил ниже.

У тишины есть разные сорта. Есть тот, который звенит горем и пустотой, сжимает пальцы на твоём горле, выдавливает из твоей души вздохи – до последнего.

У этой – которая сейчас вибрирует между мной и Антоном – вкус разбавленной горечи одиночества. Я могу все что угодно говорить о нем, но сейчас я ему благодарна.

И все-таки похож... Плевать на светлые волосы и глаза, но форма носа, очертания губ...

Когда ладонь Антона ложится на мое бедро – замираю я, замирает и он, пытливо вглядываясь в мое лицо, будто высматривая в нем протест.

Смешной. Предсказуемый – донельзя, я догадывалась, что он провернет этот маневр, и даже планировала, как пошлю его нахрен, но...

Усталость и тоска сжимают меня в тиски. Я знаю – он мне ни для чего не пригодится, слишком мажор, слишком бабник, местами все-таки мудака, да и просто не в моем вкусе, но... Снова это «но». И никаких оправданий я себе не дам. Даже «два года не было секса» – не повод. Повод совсем в другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shey_dzhina/tol-ko-na-odnu-noch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)